

Даниэль Дефо
Всеобщая история пиратов. Жизнь
и пиратские приключения славного
капитана Сингльтона (сборник)

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=12077859

Всеобщая история пиратов. Жизнь и пиратские приключения славного капитана Сингльтона
(сборник): Клуб Семейного Досуга; Харьков; 2015

ISBN 978-966-14-9782-4, 978-966-14-9783-1, 978-966-14-9779-4

Аннотация

«Многие вещи, нам кажется, существовали всегда. Мы с детства так привыкли к Дефо, что нам трудно осознать, что до него английских романов попросту не было. А еще до него в Англии не было журналов. Он основал первый еженедельник *The Review*, выходивший десять лет. Десять лет, раз в неделю, у Дефо наступал безумный день, к тому же большинство статей он писал тоже сам...»

Содержание

Повелитель мускусных котов	5
Всеобщая история пиратов	8
Глава I	12
Глава II	18
Глава III	20
Глава IV	27
Глава V	31
Глава VI	39
Глава VII	43
Глава VIII	49
Глава IX	55
Конец ознакомительного фрагмента.	57

Даниэль Дефо
Всеобщая история пиратов. Жизнь
и пиратские приключения славного
капитана Сингльтона (сборник)

© Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга», 2015

* * *

Повелитель мускусных котов

После того мы провели еще два года в Венеции, обдумывая, что нам делать.

Даниэль Дефо

Вынесенная в эпиграф цитата из романа как нельзя лучше демонстрирует, чем XVII столетие отличалось от XXI. Оказалось, что вовсе не пиратами, а умением поразмыслить над жизнью. Читатель и сам сможет убедиться, что даже район разбойных нападений современных сомалийских пиратов – от Баб-эль-Мандебского пролива до Мадагаскара – они унаследовали от европейских предшественников XVII–XVIII веков. Это только в представлении голливудских кинотворцов все пираты обитали на Карибах, хотя, спору нет, там их было немало. В книгах Дефо они грабят испанских, английских, голландских, индийских, арабских, португальских и французских купцов по всему земному шару. И приз, наиболее поразивший умы современников Дефо, – корабль Великого Могола – был взят капитаном Эйвери именно в Аравийском море, по пути из Индии в Мекку. И хотя теперешние сомалийские последователи Эйвери преследуют торговые корабли на быстроходных катерах, а не на фрегатах, галиотах и шлюпах, как в книгах Дефо, – география и торговые пути остались прежними. Люди тоже, похоже, изменились не сильно.

Даниэля Дефо можно на полном законном основании считать первым современным романистом. Не только потому, что история о Робинзоне и Пятнице до сих пор жива, – ее изучают в школе, из подражаний даже сформировался особый жанр, «робинзонада». Книга не только выдержала сотни экранизаций, переводов и пародий, но и через триста лет – ее *читают*. Правда, уже дети. А Даниэль Дефо писал ее для взрослых. И даже зашифровал настоящее местоположение острова Робинзона, – архипелага Хуан-Фернандес в Тихом океане, – перенеся действие на остров в устье реки Ориноко в океан Атлантический. Чтобы не «засветить» базу английских приватиров и каперов пытливым испанским читателям. Прообраз Робинзона – боцман Александр Селкирк – на самом деле не терпел кораблекрушение, а был высажен капитаном на необитаемый остров из-за скверного характера. А служил он на корабле английской приватирской экспедиции, направлявшейся грабить тихоокеанское побережье Мексики, тогда испанское. И через семь лет был снят такой же экспедицией капера Уильяма Дампира.

Все английские корабли, обогнувшие мыс Горн, традиционно брали пресную воду и чинили корабли на Хуан-Фернандесе. Ни испанцам с португальцами, ни тем более голландцам знать об этом было не обязательно. А Дефо был не только автором первого британского романа и основоположником реалистического романа, но и основателем британской «интеллидженс сервис», ее первым секретным агентом, еще не пронумерованным, как Джеймс Бонд.

Многие вещи, нам кажется, существовали всегда. Мы с детства так привыкли к Дефо, что нам трудно осознать, что до него английских романов попросту не было. А еще до него в Англии не было журналов. Он основал первый еженедельник *The Review*, выходивший десять лет. Десять лет, раз в неделю, у Дефо наступал безумный день, к тому же большинство статей он писал тоже сам.

Кроме романов, Дефо написал и издал массу трактатов, статей, памфлетов. Большинство под псевдонимами. Ведь и Дефо – тоже псевдоним, правда, как бессмертный горец, победивший все другие. Тематика его трактатов словно подсмотрена на современной раскладке желтой прессы – политика, экономика, финансы, религия, брак, непознанное... Но и журналистика не была основным его занятием. Его даже можно назвать и отцом заказных

политических статей. Впрочем, когда виги сменили торы, они просто продолжили пользоваться его услугами как ни в чем не бывало.

Он был коммерсантом, хозяином чулочной фабрики, торговцем сукном и винами, плававшим по делам фирмы, по крайней мере, в Кадис, Порто и Лиссабон. Страховщиком кораблей и грузов. И даже парфюмером, изобретшим рецепт стойких запахов с добавлением в духи мускуса от привезенных ему с острова Ява циветт диких родственников домашних кошек. Когда Дефо обанкротился (видимо, голландцы потопили все застрахованные им суда и разграбили все отправленные им грузы), судебному исполнителю не оставалось ничего другого, как конфисковать у него пресловутых котов. Это вряд ли покрыло претензии кредиторов – долгов этот деятельный предприниматель наделал на семнадцать тысяч фунтов, чудовищную по тем временам сумму.

Столь сведущей в разных сферах особой заинтересовалось британское правительство (тогда Англией правили торы). Они покрыли сказочный долг коммерсанта и памфлетиста, предложив ему сотрудничество в ином качестве. Так Дефо стал секретным королевским осведомителем, другими словами – политическим и экономическим шпионом. В это трудно поверить, но Дефо жил во времена секретных морских карт, изобиловавших белыми пятнами и тайными фарватерами – открыты были еще не все континенты. Выведывание у вернувшихся в Англию моряков важных сведений о новых странах составляло значительную и, вероятно, самую приятную часть секретной службы Дефо. Оказалось, что раздобытые таким путем сведения пригодны не только для отчетов правительству, но и для романов.

Именно так и надо рассматривать роман «Жизнь и пиратские приключения славного капитана Сингльтона». Никаких приключений – просто отчет о трансафриканской пешей экспедиции за слоновой костью и золотом, которую герой совершил не от хорошей жизни, хотя тщательно запомнил маршрут от Мозамбика до Анголы. Представьте, какое впечатление производили на впечатлительных английских дельцов картины слоновьих кладбищ в саванне, тщательно переданные Дефо. Слоновая кость... Тонны, десятки, сотни тонн драгоценных в Европе бивней. Никаких негров-носильщиков не хватит, чтобы вынести все это на побережье, к европейским факториям в Гвинее. Неудивительно, что в конце концов именно англичане вытеснили буров (потомков голландцев) из Капской колонии и воевали с ними с XIX века.

Ту же часть романа, где Дефо педантично описывает океанские пути и безопасные методы набега на Острова Пряностей в Индонезии, лучше рассматривать как изощренную месть разорившим его голландцам. Это готовый бизнес-план экспедиции по разграблению голландских колоний. Ну и приключения, конечно, есть. В таком непредсказуемом бизнесе, как пиратство, без них не обойтись.

Показательно, что Дефо «приклеил» и необходимую любовную линию. Все должно закончиться женитьбой, иначе это не роман. Собственно, потому он и есть роман, даже, как оказалось, не только рыцарский или плутовской, но и пиратский. Хотя некоторые признаки плутовского романа он вставил даже в «Всеобщую историю пиратов», претендующую на энциклопедичность. А именно в тех статьях, которые посвящены женщинам-пиратам. Были, оказывается, среди пиратов и дамы.

Но вернемся к бессмертному Робинзону Крузо. Читатели, как правило, пролистывают его неинтересную первую часть, считая излишне нравоучительной, полагая скучными многостраничные поучения отца-Крузо о том, что ценность и устойчивость имеют капиталы, добытые кропотливым ежедневным трудом, что лучше не быть ни нищим, ни излишне богатым. Что без труда богатства, нажитые в одночасье, легко уходят меж пальцев. Недаром грозные пираты, попав в Англию даже с невероятными сокровищами Великого Могола в сундуке, оказываются ограбленными уже «порядочными» ювелирами, грозящими выдать их

полиции, и заканчивают свои дни, влача нищенское существование. Нет, только ежедневный кропотливый труд. Триста лет поливать и стричь свой газон... День за днем...

Сам Дефо придерживался этих взглядов всю свою долгую жизнь (1660–1731). И действительно иногда напоминал Робинзона на острове. Ибо если на острове Британия, хотя и густонаселенном, чего-то не было, он брался и делал, оставив потомкам свой остров преобразенным.

Всеобщая история пиратов

Введение

Пираты в Вест-Индии, то бишь в бассейне Карибского моря, да и по всему Атлантическому океану были настолько сильны и многочисленны, что полностью перекрыли Европе торговые пути в эту часть света. От их бесчинств больше всех пострадали английские торговцы. Мы не сомневаемся, что миру будет любопытно узнать истории головорезов, терроризировавших купцов всего мира.

Но прежде чем мы приступим к конкретным историям, не будет лишним краткое вступление, чтобы на отдельных примерах из истории показать, какой колоссальный вред и опасность наносит королевствам и государствам деятельность этих грабителей.

Все началось с того, что одному пирату удалось избежать преследования со стороны правительства, и постепенно он набрал немалое влияние и мощь — на его счету было множество ограблений, а на руках немало крови, прежде чем его изловили и казнили. Мы не станем рассматривать, как случилось, что численность наших пиратов в Вест-Индии постоянно увеличивалась, — это дознание относится к прерогативам законодательной власти или к представителям народа в Парламенте, на них мы это и оставим.

Наш труд должен сжато показать, какими губительными последствиями для нации могут обернуться даже зачатки пиратства.

Во времена Марии и Суллы Рим был на пике своей силы, но оказался практически разтерзанным фракциями этих двух великих людей. Уже тогда на Сицилии и в странах Малой Азии возникло пиратство.

Начиналось все почти незаметно: два-три корабля, курсировавшие между греческими островами, нападали на суда, которые были плохо защищены или совсем без охраны. И вот, захватив множество «призов», пиратство вскоре обрело и богатство, и власть.

Однажды одно пиратское судно захватило и самого Юлия Цезаря. Узнав его по пурпурным одеяниям, они решили, что получают больше прибыли, если сохранят ему и его людям жизнь и потребуют за них большой выкуп. Поэтому Цезарю было объявлено, что он получит свободу, если заплатит захватчикам пятьдесят талантов, что было чудовищной суммой по тем временам, которая равнялась трем с половиной тысячам фунтов стерлингов¹. Император с улыбкой согласился и даже повысил сумму, ведь с ним были люди, которых он считал достойными выкупа. Цезарь отправил троих своих слуг за выкупом, а сам остался на пиратском корабле, пил и ел, играл в кости, иногда писал стихи и диалоги, и даже пригрозил, что за нетерпение может уменьшить сумму выкупа. Наконец его слуги вернулись с выкупом, и император получил свободу. Он отплыл в Милет (Miletus), где, используя все свое влияние, занялся оснащением эскадры, которую оборудовал и вооружил по последнему слову военной науки. Каково же было удивление пиратов, стоявших у того же острова, когда на них напали корабли Цезаря! Нет нужды говорить, что император вернул себе весь выкуп да к тому же взял в плен всех пиратов, жителей большей частью Пергама и Трои, и заключил их под стражу.

Тогдашний правитель Азии, Юний, должен был позаботиться об их наказании, но не знал, как это сделать. Тогда Цезарь применил закон о пиратстве и повелел, чтобы заключенные были вывезены в Рим, где он сам будет судить их. Суд этот был скорым и справедливым — во всяком случае, с точки зрения Цезаря. А вот пиратам было не до смеха. Во всяком случае, ни моря, ни свободы они больше не увидели. Да и жизнь их оказалась совсем недолгой.

¹ Во времена Д. Дефо.

Случившееся, по словам Плутарха, заставило императора пристальнее взглянуть на прибрежные порты и укрепить их, выстроить башни и маяки вдоль всего побережья Киликии, вооружить и постоянно поддерживать могучий флот, хорошо оснащенный и не испытывающий ни в чем недостатка. На кораблях этих плавали люди отчаянной храбрости, которые к тому же были отличными специалистами в военном и морском деле.

Однако пиратов это не остановило. Более того, есть упоминания о том, что число их кораблей возросло до тысяч, а чтобы досадить страже, они покрывали судно позолотой, весла – серебром, а паруса – королевским пурпуром.

Не менее четырехсот городов подверглись тогда нападению пиратов. Страдали и храмы, и деревни вдоль побережья, и даже роскошные дома дворян вдоль Тибра.

Одним словом, пусть Рим и был в то время хозяином суши, хозяевами морей оставались морские разбойники, которые называли своей вотчиной и Сицилию, и Корсику, и Лесбос, и острова Эгейского моря, и многие города, которые Рим уже привык считать своими, во всяком случае по части дани.

В последующие годы и столетия с пиратами боролись и Помпей Великий, и власти Африканского побережья, и владыки больших и малых территорий, но безрезультатно. Столь опасным оказалось первоначальное пренебрежительное отношение к этим морским разбойникам, что позволило им собраться с силами.

Теперь пришло время поговорить о пиратах Вест-Индии, которые были более многочисленны, чем головорезы в любых других точках мира.

На это есть несколько причин:

Во-первых, здесь много необитаемых островов и ключей с удобными гаванями, безопасными для подхода с моря, к тому же богатых пресной водой и провизией.

Возможно, следует объяснить, что в Вест-Индии называли ключами. Эти крохотные песчаные островки высотой чуть выше линии прибоя, с несколькими деревцами или кустами, были безлюдны, но обильно населены черепахами. Вот эти островки и стали прибежищем для пиратов. А позже торговцы с Ямайки, перевозившие рабов, поняв, что здесь можно безопасно останавливаться и чистить днище парусных судов от ракушек, окончательно утвердили за этими островками название «ключи» как символ безопасности.

Второй причиной, объясняющей, почему пираты выбрали для разбоя моря Вест-Индии, можно считать присутствие здесь большого количества купеческих судов – французских, испанских, голландских и особенно английских. Перевозки рабов, товаров, оружия, золота и серебра из колоний в метрополию давали немалый шанс на «приз» – корабль, полный столь желанной для пиратов добычи.

Третья причина – это тяжелый труд, которым отличается жизнь моряка на военном корабле, особенно моряка в маленьких чинах, и при этом за весьма скромное вознаграждение.

Неудивительно, что пираты начинали свои предприятия с небольшой группы людей. Однако по мере того, как потребности Нового Света возрастали, мореплавание в водах Карибского бассейна и на всем протяжении Атлантики развивалось, а следовательно, групп этих становилось все больше. Они собирались в настоящую силу, что дало возможность организовывать целые экспедиции на Азорские острова, острова Зеленого Мыса, в Южную Америку, вернее к ее берегам, и даже огигать Африку, используя Мадагаскар как удобную базу, чтобы затем через Баб-эль-Мандебский пролив добраться до Аравийского полуострова.

Остановимся и мы ненадолго на Мадагаскаре и соседних островах. Некоторые пираты выбирали эти места в качестве укрытия, становясь для туземцев князьками и повелителями. Следует заметить, что такие разбойники бороздили моря, как правило, недолго, да и жизнь их оказывалась не столь продолжительной.

Теперь вернемся к временам Утрехтского мира. Большая часть колоний в Вест-Индии принадлежала именно испанцам. Не секрет, что придворные, посланные в эти колонии губернаторами, были людьми невеликого достатка. Вернее, их достаток полностью зависел именно от колоний. Неудивительно поэтому, что немалые доходы, обещанные и честно передаваемые им пиратами, превращали разбой в действия, угодные короне, причем подобные решения были закреплены в судебном порядке.

Немалые убытки, понесенные английскими купцами, были, несомненно, делом рук пиратов. В конце концов терпение властей лопнуло и уполномоченные особы попытались сделать хоть что-то, чтобы усмирить разбойников. В 1716 году такой случай, казалось, представился.

К этому времени уже примерно года два испанские галеоны уходили в метрополию с грузами серебра. Так получилось, что два из них затонули в заливе у берегов Флориды. Испанцы отправили несколько миллионов песо, что составляло приблизительно триста пятьдесят тысяч реалов в серебре, и такой груз, конечно, стал желанной добычей для пиратов.

Правительство как раз снарядило два корабля и три шлюпа с Ямайки и Барбадоса под командованием капитана Генри Дженнингса, который имел конечной целью Персидский залив и которой обнаружил, что испанцы потерпели крушение. Драгоценный груз был поднят ныряльщиками и передан под охрану двух комиссаров и примерно шестидесяти солдат.

Однако добыча эта была чрезвычайно лакомой, и корабли пиратов под командованием Роверса встали на якорь в непосредственной близости от места хранения груза, а затем силами примерно в триста человек перешли в атаку. Охрана сбежала, а пираты, захватив сокровища, отправились на Ямайку.

В пути они встретились с испанским кораблем, нагруженным дорогими товарами. Там были тюки кошенили, бочки индиго и шестьдесят тысяч песо, не считая провизии. Груз пираты отняли, но судно отпустили невредимым.

Пираты ушли на Ямайку, испанцам же не оставалось ничего, как обратиться к губернатору Гаваны. Тот, пораженный размерами пиратской добычи, тут же отправил судно к губернатору Ямайки с жалобой на грабеж и требованием вернуть товар.

Если бы это происходило в мире, уважающем право собственности, правительство Ямайки, конечно, не позволило бы пиратам остаться безнаказанными и отказало бы им в защите. Однако представители короны на острове поступили иначе, мягко пожурив разбойников и повелев им в будущем грабить кого угодно, но только не испанцев.

Быть может, это всего лишь исторический анекдот. Хотя и он дает определенное представление о том, на сколь высоком уровне были защищены морские разбойники и сколь легко они могли купить защиту любого рода.

В предлагаемом исследовании мы кратко изложим истории знаменитых пиратских капитанов и их команд:

- капитана Эйвери
- капитана Мартела
- капитана Тича по прозвищу Черная Борода
- капитана Боннета
- капитана Инглэнда
- капитана Вейна
- капитана Рэкхэма
- капитана Дэвиса
- капитана Робертса
- капитана Лоу
- капитана Уорли

капитана Лоутера
капитана Эванса
капитана Энстиса
капитана Сприггса, других капитанов и также двух дам, также командовавших пиратскими судами.

Глава I

Капитан Эйвери и его команда

Среди отважных искателей приключений трудно найти человека, который вызвал бы в свое время больше разговоров, чем капитан Эйвери. В Европе говорили, что он возвел себя в королевское достоинство и стал основателем новой монархии; что он нагабил несметные богатства и женился на дочери Великого Могола, которую захватил на индийском корабле, и произвел с ней на свет множество детей. Говорили также, что он строил форты и артиллерийские погреба и командовал эскадрой, а экипажи набирал из головорезов, невзирая на национальность; что он отдавал приказы капитанам кораблей и командирам фортов, и они подчинялись ему, как подчинялись бы государю. О нем даже была написана пьеса, которая называлась «Удачливый пират». В свое время Большому королевскому совету было представлено даже несколько планов его поимки. Более рассудительные (или более златолюбивые) предлагали объявить амнистию ему и его товарищам и пригласить их в Англию со всеми сокровищами, не без оснований опасаясь, что его растущее могущество может помешать торговле между Европой и Ост-Индией.

Однако все это были не более чем пустые слухи, подогреваемые доверчивостью одних и безответственностью других. Читателю будет любопытно узнать, что произошло с этим человеком на самом деле и какова его подлинная история.

Эйвери родился на западе Англии, под Плимутом. Он служил помощником капитана на судне-купце и принял участие в нескольких торговых рейсах. Времена были смутные – Рисвикский мир еще не был объявлен² и действовал союз держав Европы против Франции, – но французы с Мартиники вели контрабандную торговлю с испанцами на Перуанском побережье. Законы Испании запрещали это даже друзьям в мирное время – никому, кроме самих испанцев, не дозволено было посещать те места или сходить на берег. Поэтому испанцы постоянно держали там несколько судов, которые крейсировали вдоль побережья и назывались «Гуарда-дель-Коста». Судам этим был дан приказ захватывать любые корабли, пересекающие границу в пяти лигах от берега. Испанцы, случалось, натывались на французские контрабандные суда, но у них не доставало сил, чтобы атаковать. Тогда Испания приняла решение взять на службу иностранные корабли. Когда об этом стало известно в Бристоле, несколько купцов снарядили два корабля, вооруженных более чем тридцатью пушками, наняли команду в сто двадцать человек каждый, снабдили их провизией, амуницией и прочими необходимыми припасами. Сделка была утверждена испанскими агентами, и корабли получили предписание отплыть в Ла-Корунью, где они получают дальнейшие распоряжения и примут на борт пассажиров, направляющихся в Новую Испанию.

На одном из этих кораблей и служил Эйвери первым помощником. Был он человеком не столько храбрым, сколько хитрым и коварным, поэтому постепенно вошел в доверие к нескольким самым отчаянным матросам с обоих английских кораблей. Он открыл им свои намерения и увлек рассказами о том, какие богатства ожидают их на берегах Индии.

Однажды моряки, не вовлеченные в план Эйвери, включая капитана, как стемнело, отправились отдыхать и на палубе остались только заговорщики, которые составляли, правда, большинство команды. В условленное время появился голландский баркас, который встал борт о борт с кораблем, и шестнадцать крепких парней присоединились к заговорщикам.

² В сентябре-октябре 1697 г. в нидерландском селении Рисвик (Рейсвейк) был заключен мирный договор, которым завершилась война 1688–1697 гг. между Францией и Аугсбургской лигой, в которую входили Англия, Голландия, Испания, Швеция и император Священной Римской империи Леопольд I.

Новоявленные охотники за сокровищами Ост-Индии неспешно подняли якорь и без волнения и суматохи вышли в море, хотя в бухте стояли несколько кораблей, среди которых оказался и сорокапушечный голландский фрегат. Его капитану было предложено крупное вознаграждение за поимку беглецов, но он, должно быть, не желал служить никому, кроме себя самого. Одним словом, он позволил Эйвери следовать избранным курсом.

Проснувшемуся капитану корабля Эйвери объявил, что принимает командование на себя, сейчас направляется к Мадагаскару, где вместе с командой хочет попытать счастья, и предлагает капитану присоединиться к ним. Но тот решил, что не желает принимать участие в авантюрах и сойдет на берег вместе с теми членами экипажа, которые не решились присоединиться к бунтовщикам. Всех отказавшихся Эйвери усадил в шлюпку, предоставив им добираться до берега своими силами.

Заговорщики же направились к Мадагаскару. Неизвестно, захватили ли они по пути какие-то корабли, но когда они прибыли к северо-восточной оконечности острова, то обнаружили там два шлюпа, стоявших на якоре, которые их команды угнали в Вест-Индии.

Эйвери подумал, что эти отчаянные матросы могут стать отличными членами экипажа, и предложил им ввязаться в большую игру. Конечно, беглые матросы с удовольствием приняли предложение новоиспеченного капитана. Команда решила пуститься в плавание на галере и двух шлюпах, и флотилия направилась к Арабскому побережью. Возле устья реки Инд Эйвери атаковал одно из личных судов Великого Могола³. На борту его находились несколько высших придворных чинов, и, как рассказывали, одна из дочерей правителя, которая совершала паломничество в Мекку, – магометане полагают, что каждый из них обязан раз в жизни посетить сие место, и отправляются туда с богатыми дарами, которые возлагают к гробнице пророка. Вот почему добыча, попавшая в руки пиратам на том призе, не поддавалась исчислению. Хронисты упоминают, как минимум, о пяти миллионах рупий в серебре и золоте.

Эйвери дочиста ограбил судно и перегрузил сокровища на борт своих кораблей, не пропустив ни единой вещицы, которая приглянулась его команде, после чего отпустил приз. Как только известие о случившемся достигло ушей Могола и он узнал, что ограбившие его были англичанами, он, извергая громогласные угрозы, повелел послать многочисленную армию, чтобы огнем и мечом истребить англичан во всех их поселениях на Индийском побережье. Британская Ост-Индская компания была весьма встревожена этим, однако малопомалу нашла средства успокоить правителя, пообещав приложить все старания к тому, чтобы схватить разбойников и передать их в его руки. Однако это происшествие наделало много шума как в Европе, так и в Индии, став поводом к сочинению всяческих романтических небылиц о могуществе Эйвери.

Тем временем везунчик Эйвери счел за лучшее вернуться на Мадагаскар, намереваясь поначалу превратить это место в хранилище своих сокровищ и выстроить там небольшое укрепление, где всегда находились бы несколько человек для защиты от посягательств со стороны туземцев.

Далее Эйвери обратился к капитанам шлюпов со следующим предложением. Поскольку суда может разъединить плохая погода, а если шторм разбросает шлюпы по океану и один из них встретится с военным кораблем, то может быть захвачен или потоплен. В таком случае часть сокровищ у него на борту будет потеряна для остальных. Что касается корабля Эйвери, то он достаточно силен, чтобы достойно встретить любого неприятеля, – его судно весьма маневренно и быстроходно, в отличие от шлюпов. Поэтому он предложил перевезти сокровища на борт своего фрегата и опечатать каждый сундук тремя печатями.

³ Эйвери захватил «Ганг-и-Савай», самый крупный корабль Великого Могола, на борту которого находились от четырехсот до пятисот солдат и восемьдесят пушек.

И если им по какой-то причине придется на время расстаться, каждый из капитанов будет хранить одну из печатей до момента, пока они встретятся.

Это предложение показалось всем весьма разумным и его с готовностью приняли. Сокровища погрузили на борт к Эйвери, сундуки опечатали. Вскоре Эйвери тайком собрал своих матросов и сказал, что теперь у них достаточно денег, чтобы устроить свою судьбу. И никто не помешает им отправиться туда, где их никто не знает, и жить в достатке до конца своих дней. Матросы поняли своего капитана с полуслова. Воспользовавшись темнотой, они изменили курс, и к утру фрегат пропал из виду.

Эйвери и его команда решили, что лучше всего отправиться в Америку, ведь в тех краях их никто не знает. Они намеревались разделить сокровища, изменить имена, высадиться в разных местах, приобрести недвижимость на берегу и жить в свое удовольствие. Первая земля, которую они повстречали на пути, был остров Провиденс, недавно заново заселенный, где они и провели некоторое время. Поразмыслив, пираты решили, что от фрегата следует избавиться, пока их не настигло наказание за его похищение. Для этого Эйвери пустил среди жителей острова слух, что фрегат был снаряжен для каперского промысла, который успешным не стал, поэтому он получил от владельцев судна приказ продать его. Вскоре он нашел покупателя, продал корабль и тут же купил другой, на этот раз шлюп.

В Америке Эйвери и его команда высадились на берег в разных местах. В основном члены экипажа, получив от капитана свою долю, рассеялись по стране. Однако большую часть бриллиантов Эйвери от команды утаил: когда захватили корабль Могола, никто не считал награбленное и не знал его истинной цены.

Эйвери добрался до Бостона и поначалу решил приобрести имение в этих краях, но вскоре изменил решение и предложил тем немногим морякам, кто еще оставался на корабле, отправиться в Ирландию. Он здраво рассудил, что Новая Англия – не лучшее место для реализации его богатств. Если бы он начал распродавать их здесь, то, вероятнее всего, навлек бы на себя подозрения в пиратстве.

По пути в Ирландию они бросили якорь в одном из северных портов королевства. Здесь команда избавилась от шлюпа и, сойдя на берег, разделилась: часть двинулась в Корк, а другая часть – в Дублин. Впоследствии восемнадцать человек получили прощение от короля Вильгельма. Некоторое время Эйвери жил в Ирландии, однако все не решался продавать бриллианты – первый же вопрос об их источнике мог привести к его разоблачению. Поразмыслив, он решил, что в Бристоле удастся найти людей, которым он может довериться. Найдя в Девоншире одного из своих давних приятелей, Эйвери все-таки рискнул избавиться от камней. За вполне разумный процент комиссионных приятель пообещал устроить все так, что комар носа не подточит. Эйвери согласился, встретился с купцами, которых нашел для него приятель, и передал им камни и несколько золотых сосудов. Купцы выдали ему достаточно денег на текущие расходы с обещанием добавить еще, и они распрощались.

Эйвери изменил имя и остался жить в Биддифорде, стараясь не выделяться, чтобы не привлекать к себе внимания. Прошло время, он потратил данную ему толику денег, однако от купцов известий не было. Он забросал их письмами, и после многих настойчивых напоминаний они выслали ему еще совсем немного денег, которые, однако, не могли покрыть его расходы. Говоря современным языком, те деньги, которые ему время от времени высылали, были столь ничтожны, что их не хватало даже на хлеб. К тому же и эту малость удавалось выбить с кучей хлопот и после назойливых напоминаний. Измученный таким существованием, Эйвери тайно отправился в Бристоль, но вместо денег получил ошеломляющий отказ: ему просто заткнули рот, пригрозив разоблачением. Воистину купцы эти были такими же пиратами, как и он был сам!

Неизвестно, насколько сильно Эйвери испугался этих угроз, однако поспешил назад и уже оттуда весьма настойчиво требовал с купцов деньги. Его просьбы, конечно, остались

без ответа, и постепенно он опустился до нищеты. Доведенный до крайности, он решил вернуться и бросить купцам вызов: сел на торговое судно до Плимута, а оттуда добрался в Биддифорд, но через несколько дней заболел и умер. Денег, что при нем оказались, не хватило даже на гроб.

Как видно, шуму вокруг имени Эйвери было куда больше, чем вокруг имен других пиратов, деяния которых оказались куда страшнее деяний скромного капитана Эйвери. Но что же стало с теми двумя шлюпами, которые он бросил у Мадагаскара?

Конечно, ярость и паника охватила команды судов, когда они увидели, что Эйвери скрылся. Тем не менее шлюпы продолжали идти прежним курсом в надежде, что капитан просто заблудился и вскоре его фрегат появится на горизонте. Однако Эйвери был уже далеко и пришло время решать, что делать дальше, ведь запасы провизии подходили к концу. Пришлось высадиться, разгрузить шлюпы, соорудить из парусов палатки и разбить лагерь. К счастью, оружия и боеприпасов у них было предостаточно.

На острове их ждала встреча с земляками – экипажем приватирского шлюпа под командой капитана Томаса Тью, персоной неоднозначной, но весьма известной. Капитан также был англичанином, и для своих рейдов предпочитал просторы Атлантического океана, хотя его опасались и в Красном море.

Капитан Томас Тью начал свою «карьеру» вместе с еще одним капитаном, Дью, когда по распоряжению тогдашнего губернатора Бермудских островов они направились к устью реки Гамбия, в Африку. Там с помощью агентов Королевской Африканской компании⁴ им надлежало попытаться захватить французскую факторию в Гури, расположенную на побережье. Во время жестокого шторма на корабле капитана Дью сломалась мачта, к тому же он потерял из виду корабль сопровождения. Тью отправил его судно в ремонт, а сам, вместо того чтобы продолжать экспедицию, повернул к мысу Доброй Надежды, обогнул его и взял курс на Баб-эль-Мандебский пролив, чтобы добраться до Красного моря. Здесь он повстречал корабль с богатым грузом, следующий из Индии в Аравию, с тремя сотнями солдат на борту и командой моряков. Не струсив, Тью взял его на abordаж, и после говорили, что его людям досталось с того приза около трех тысяч фунтов на каждого. В команде Тью начались разногласия. Некоторые решили покончить с пиратством, отправиться на Мадагаскар, жить там и наслаждаться тем, что уже имеют.

Сам же капитан Тью несколько позже со своими сторонниками направился на Род-Айленд, где и обрел покой. Таковы были люди, которых бывшие соратники Эйвери повстречали на острове.

Когда пираты впервые поселились среди туземцев Мадагаскара, тамошние многочисленные князьки всячески обхаживали пришельцев, склоняя вступать в союзы то с одним, то с другим из них. Такие воины в армии любого вождя решали дело миром, ведь никто из туземцев не владел огнестрельным оружием – в отличие от европейцев, каковы бы ни были их намерения. В конце концов пираты начали внушать островитянам такой ужас, что те в страхе бежали, даже не пытаясь вступить в бой.

Они не только запугали туземцев, но и приобрели над ними власть. Военнопленных они обращали в рабов, а самых красивых негритянок брали в жены. Их рабы трудились на рисовых плантациях, ловили рыбу и выполняли прочие работы. Кроме того, в услужении у пиратов находилось множество туземцев, кои прибегли к их покровительству, чтобы обезопасить себя от треволнений или нападения со стороны воинственных соседей. Благо-

⁴ Королевская Африканская компания, точнее, Английская Гвинейская компания – акционерная компания, созданная в 1631 г. для торговых операций в Западной Африке. Уставной капитал Компании на момент ее основания составлял чудовищную по тем временам сумму в сорок пять тысяч фунтов стерлингов.

даря таковой изворотливости пираты сумели за несколько лет значительно увеличить свою армию.

В конце концов они стали жить по отдельности и ради удобства поселились в большом удалении друг от друга, ибо каждый из них владел теперь обширными землями. Они разделились на общины, и каждый содержал при себе жен и детей, ведь к тому времени уже образовались большие семьи. Пираты выбирали для жилья место, окруженное непроходимым лесом и расположенное рядом с водой, возводили вокруг него крепостной вал или насыпь, столь отвесную и высокую, что на нее невозможно было взобраться, – по крайней мере не пользуясь штурмовыми лестницами. К насыпи через чашу вела единственная тропинка. Жилище, а одновременно и военный лагерь, всегда было столь надежно укрыто от взоров, что его невозможно было заметить, не подойдя вплотную.

Так жили эти новоявленные тираны, наводя ужас на других и сами находясь в постоянном страхе. Такими их увидел капитан Вудс Роджерс, когда прибыл на Мадагаскар на борту сорокапушечного корабля «Делисия». В его намерения входило купить там рабов для продажи голландцам в Батавию или Новую Голландию.

Для полноты картины несколько слов скажем и об этом славном господине. Роджерс был английским капером и бороздил просторы Тихого океана, не оставляя своим вниманием и Карибское море. В одном из первых походов он разграбил Гуаякиль в Эквадоре и получил в качестве выкупа около двадцати семи тысяч песо. Много позже Вудс Роджерс был провозглашен первым королевским губернатором на Багамских островах. Через десять лет после этого его корабли разгромили пиратское гнездо на Нью-Провиденсе. Годом позже капитан защитил остров от испанцев, пытавшихся высадиться там и таким образом передать Нью-Провиденс под правление короны.

Вернемся теперь на Мадагаскар. Случилось так, что Роджерс пристал к берегу в той части острова, где уже семь или восемь лет не видели ни одного корабля. Там он встретил нескольких пиратов, которые к тому времени провели на острове более двадцати пяти лет и обзавелись многочисленным потомством. Завидев судно огромной мощи и размеров, пираты сочли его военным кораблем, посланным для их пленения, и спрятались. Лишь мирные намерения сошедших на берег матросов успокоили их. Можно вообразить, как износилась их одежда после многих лет пребывания на острове – новоявленные плантаторы выглядели крайне потрепанными. Их наготу прикрывали лишь звериные шкуры, которые даже не были выдублены, были они без башмаков и чулок, к тому же заросли бородами, а их волосы свисали до плеч. Одним словом, они предстали перед матросами в самом первобытном виде, какой только способно создать человеческое воображение.

Но весьма быстро они обрели человеческий вид, купив или обменяв на свои богатства одежду цивилизованного человека. Они поднялись на борт «Делисии», осматривая ее с большим интересом и тщательно изучая изнутри, и были любезны с командой, зазывая ее на берег. Конечно, делалось это для того, чтобы под покровом ночи попытаться захватить судно. Но капитан, должно быть, догадался об этом и выставил на палубе усиленную стражу. Когда же он заметил все возрастающую «дружбу» между бывшими пиратами и некоторыми из своих людей, то решил, что это не сулит ничего хорошего, а потому просто запретил матросам вступать в беседы с местными белыми. Если он посылал на берег шлюпку, чтобы обсудить условия покупки рабов, матросы на берег не сходили и никому не было дозволено вступать в переговоры, кроме человека, специально отряженного для этой цели. Поэтому когда он начал готовиться к отплытию, пираты с сожалением поняли, что так ничего и не смогли сделать.

Роджерс покинул их такими же, какими увидел впервые, – обладающими всей полнотой низменной власти и грязного величия, хотя и с меньшим числом подданных, ведь многих из своих рабов они продали. Но поскольку честолюбие есть одна из страстей челове-

ских, они, без сомнения, были счастливы. Один из этих великих властителей некогда был лодочником на Темзе, где совершил убийство. Остальные были простыми матросами, и не оказалось среди них ни одного, кто умел бы читать или писать. Вот и все, что мы можем сообщить об этих новоявленных королях Мадагаскара, часть которых, может статься, правит и по сей день⁵.

⁵ История пиратства была написана более двух веков назад. Но, быть может, далекие потомки описанных «джентльменов удачи» живут на острове и в наше время. И, возможно, по-прежнему принадлежат к клану его правителей.

Глава II

Капитан Мартел и его команда

Итак, перейдем к временам после заключения Утрехтского мира, по условиям которого Англия получила особые привилегии в торговле с испанскими колониями, в том числе право асьенто – торговли рабами, а также территории в Северной Америке – от Франции, Гибралтар и порт Маон на Менорке – от Испании. Понятно, что в военное время пиратству места не нашлось: все, кто питал склонность к приключениям, нанимались в приватиры.

Для получения нужных результатов необходимо было дать каперам возможность брать на абордаж пиратские суда – в том, что касается грабежа и наживы, имущество друзей ничуть не менее ценно добра врагов.

Множество людей и судов, нанятых в Вест-Индии во время войны, – следует с сожалением заметить это – преумножило число пиратов в мирное время. В этом, однако, не следует упрекать ни кого-либо из правительственных чиновников, ни, тем более, самого короля, чьим именем жаловались эти дозволения, ведь эти действия были благоразумны и совершенно необходимы. К тому же стоит вспомнить о целой армии бездельников, нанявшихся в приватиры ради грабежа и богатства (пусть богатства эти проматывались столь же быстро, сколь и получались), которые по завершении войны не могли более заниматься тем же делом и вести тот же образ жизни, к которым привыкли. Вот поэтому они и принялись пиратствовать, что, в сущности, есть то же самое, только без лицензии.

Если вернуться к Мартелу, то в минувшую войну этот морской разбойник и его шайка, вероятно, были приватирами, приписанными к острову Ямайка. История его довольно коротка, как и период владычества: конец похождениям капитана Мартела наступил в самом расцвете его силы и могущества. Мы впервые встречаем его в сентябре 1716 года капитаном восьмипушечного пиратского шлюпа с командой в восемьдесят человек, курсирующего меж Ямайкой, Кубой и другими Карибскими островами. Примерно в это время он захватил галеру «Беркли» капитана Сондерса и ограбил ее на тысячу фунтов. Чуть позже он встретил шлюп «Царь Соломон», с которого взял деньги, провизию и товары на большую сумму.

Далее они проследовали в порт Кавена на острове Куба и по пути захватили два шлюпа, которые ограбили, а затем отпустили. На подходе к порту Мартел натолкнулся на прекрасную галеру «Джон и Марта» с вооружением в двадцать пушек, под командованием Вильсона. Они атаковали ее, подняв черный пиратский флаг, и присвоили. Часть команды высадили на берег, а остальных оставили у себя, как делали уже несколько раз, желая пополнить свои ряды. Тем не менее капитан Мартел поручил капитану Вильсону уведомить своих хозяев, что груз, состоящий главным образом из кампешевого, или сандалового, дерева (синий сандал) и сахара, будет доставлен на приличный рынок.

Оснатив захваченный корабль по собственному усмотрению, они вооружили его двадцатью двумя пушками и установили численность его команды в сто человек, оставив на шлюпе двадцать пять матросов, и продолжили свой рейд, держа по правому борту Подветренные острова. Здесь им также сопутствовала удача. Захватив шлюп и бригантину, они погнались за лакомым кораблем, попавшимся им по пути: увидев пиратский флаг, двадцатипушечный корабль «Дельфин», направлявшийся к Ньюфаундленду, покорился грабителям. Капитан Мартел взял его команду в плен, а корабль забрал себе.

В середине декабря пираты захватили галеру «Кент», плывшую домой с Ямайки (капитан Лоутон), и, перегрузив всю провизию к себе на борт, отпустили. Это вынудило галеру повернуть обратно к Ямайке за новыми припасами для плавания. Далее им попались маленькое суденышко и шлюп, принадлежащие Барбадосу, и с обоих они взяли продовольствие, а затем расстались с ними, правда, приняв на борт нескольких моряков, выразивших желание

присоединиться к пиратам. Следующим судном, имевшим несчастье попасться им на пути, была галера из Лондона «Грэйхаунд» капитана Эванса, следовавшая из Гвинеи на Ямайку, которую они задержали ровно настолько, сколько потребовалось, чтобы перетащить с нее весь золотой песок, слоновую кость и сорок рабов, после чего предоставили ей следовать своей дорогой.

Тут они поняли, что сейчас самое время укрыться в какой-нибудь бухте, подлатать судно, отдохнуть и дожидаться удобного случая сбыть груз, поэтому сочли за лучшее взять курс на островок Санта-Крус.

Теперь оставим ненадолго капитана Мартела и приведем к ним еще одну команду.

В ноябре 1716 года генерал Гамильтон, командующий флотом карибских Подветренных островов, отправил курьерский шлюп на Барбадос к капитану Хьюму, командиру корабля Его Величества «Скарборо», имевшего на борту тридцать пушек и сто сорок человек, чтобы известить того, что два пиратских шлюпа, каждый вооружением в двенадцать пушек, досаждают колониям и уже ограбили несколько судов. «Скарборо» как раз потерял умершими двадцать человек, а еще около сорока болели, поэтому выйти в море кораблю было проблематично. Но капитан Хьюм оставил своих больных на берегу и отправился к другим островам, чтобы пополнить команду. У острова Ангуилья он узнал, что незадолго до этого в порту Спэниш-тауна видели два похожих шлюпа. На следующий день «Скарборо» направился туда, но не услышал о шлюпах ничего нового – только то, что они останавливались тут примерно под Рождество.

Капитан Хьюм решил, что ему следует вернуться на Барбадос, но ночью встало на якорь суденышко с Санта-Круса, и прибывшие сообщили, что видели пиратский корабль в двадцать две или двадцать четыре пушки, в сопровождении других судов направлявшийся к северо-западной оконечности Санта-Крус. На следующее утро «Скарборо» появился в виду грабителей и их призов и встал в боевой готовности. Однако лоцман отказался рисковать кораблем, пираты же все время обстреливали их с берега раскаленными ядрами.

Наконец корабль бросил якорь с наружной стороны рифов, у входа в пролив, и в течение нескольких часов обстреливал суда и батареи. Около четырех часов пополудни шлюп, охранявший пролив, был потоплен выстрелом с военного корабля, после чего тот стал обстреливать двадцатидвухпушечный пиратский корабль, укрывшийся за островком. На следующую ночь было затишье – это капитан Хьюм оценивал положение. Опасаясь напасть на риф, он еще пару дней стоял в отдалении от берега, блокируя выход пиратам. Вечером двадцатого, увидев, что военный корабль находится далеко в море, пираты попытались выкрутиться, полагая, что смогут улизнуть с острова, но в двенадцать часов сели на мель, а затем, увидев, что «Скарборо» вновь стоит невдалеке и положение их стало безнадежным, ударились в панику. Они покинули свой корабль и предали его огню, оставив на борту двадцать негров, которые сгорели заживо. Девятнадцать пиратов сумели бежать на маленьком шлюпе, а капитан и все остальные, включая еще двадцать уцелевших негров, укрылись в лесу, где, должно быть, умерли с голоду. Во всяком случае, ни о капитане, ни об экипаже больше сведений не имеется.

Капитан Хьюм выпустил на свободу всех пленников, захваченных пиратами, передав им уцелевшие корабль и шлюп, а затем отправился на поиски двух других пиратских шлюпов, о которых мы уже рассказывали.

Глава III

Капитан Тич по прозвищу Черная Борода

Эдвард Тич по рождению был бристольтцем. В конце войны за испанское наследство (1701–1713 гг.) он некоторое время ходил близ Ямайки приватиром и хотя отличался храбростью и личным мужеством, но все же так и не смог подняться до командирской должности, пока не отправился пиратствовать. Считается, что это произошло в самом конце 1716 года, когда капитан Бенджамин Хорниголд передал ему шлюп, захваченный в качестве приза. С самим Хорниголдом Тич продолжал плавать в напарниках почти до дня, когда тот сдался.

Заметим здесь, что Хорниголд почтил своим присутствием Атлантический океан и Карибское море в 1716–1717 годах. Он сдался по амнистии Вудсу Роджерсу в июле 1718 года, после чего участвовал в погонях за Джоном Огером и другими пиратами. Погиб Бенджамин Хорниголд около 1719 года при кораблекрушении.

А теперь вернемся к мистеру Тичу.

Весной 1717 года Тич и Хорниголд отправились с Провиденса к Американскому побережью и захватили по пути биллоп из Гаваны со ста двадцатью баррелями муки и шлюп шкипера Тербара с Бермудских островов, с которого взяли всего несколько галлонов вина, а потом отпустили. Чуть позже им повстречался корабль, шедший из Мадеры в Южную Каролину, с которого пираты взяли добычи на значительную сумму.

Подремонтировав судно на побережье Виргинии, они вернулись в Вест-Индию и на широте 24° взяли в качестве приза большой французский гвинеец, направлявшийся к Мартинике, на который, по указанию Хорниголда, Тич взошел капитаном и продолжил на нем плавание. Хорниголд же вернулся со своим шлюпом на Провиденс и сдался капитану Роджерсу, королевскому губернатору, в расчете на амнистию.

На борту гвинейца Тич установил сорок пушек и нарек его «Месть королевы Анны». Курсируя у острова Сент-Винсент, он взял в плен большой корабль «Великий Аллен» под командованием Кристофера Тейлора. Пираты забрали с него все, что сочли пригодным, высадили команду на остров и предали корабль огню. Несколько дней спустя Тич столкнулся с тридцатипушечным военным кораблем «Скарборо», и тот несколько часов бился с ним, но, обнаружив, что у пирата достаточно людей и сил, прекратил бой и вернулся на Барбадос. Тич же отправился к Испанской Америке.

Следуя избранным курсом, он встретил пиратский шлюп с десятью пушками под командой некоего майора Боннета. Тот прежде был джентльменом с хорошей репутацией и достойным положением, и Тич присоединился к нему. Но спустя несколько дней Тич, видя, что Боннет ничего не знает о морской жизни, с согласия его людей назначил на шлюп другого капитана, некоего Ричардса, а майора взял на борт своего корабля, пояснив происходящее тем, что Боннет не привык к трудностям и заботам капитанского поста.

На Тюрнефе, в десяти лигах от Гондурасского залива, пираты набрали свежей воды. Стоя на якоре, они увидели, как подходит шлюп, после чего Ричардс на своем шлюпе «Месть» вытравил якорный канат и вышел ему навстречу. Тот же, увидев черный флаг, спустил паруса и бросил якорь под кормой commodора Тича. Это оказался корабль «Приключение» с Ямайки шкипера Дэвида Хэрриота. Пираты взяли шкипера и его людей на борт большого корабля и послали нескольких матросов и Израэля Хэндса, штурмана корабля Тича и второго человека в его команде, укомплектовать шлюп командой для пиратских целей.

Простояв у Тюрнефа до 9 апреля, пираты снялись с якоря и направились в залив, где нашли еще корабль и четыре шлюпа: три из них принадлежали Джонатану Бернарду с Ямайки, а капитаном четвертого был Джемс; корабль же был из Бостона и назывался «Протестант-Кесарь», им командовал командер Уайар. Тич поднял черный флаг и дал залп

из пушек, после чего капитан Уайар со всеми своими людьми покинул корабль и в шлюпке направился к берегу. Старшина-рулевой Тича и восемь человек из его команды овладели кораблем Уайара, а Ричардс захватил все шлюпы, один из которых они сожгли назло его капитану. «Протестанта-Кесаря» также сожгли, предварительно разграбив, а три шлюпа, принадлежавших Бернарду, они отпустили.

Далее разбойники пошли к Теркилу, затем к Гранд-Кайману, небольшому острову лигах в тридцати к западу от Ямайки, где взяли суденышко охотников за черепахами, после к Гаване, оттуда к Багамским Крушениям, а от Багамских Крушений они, захватив по пути бригантину и два шлюпа, отправились в Каролину, где пять-шесть дней стояли у песчаной отмели у Чарлзтауна. Здесь они захватили корабль под командой Роберта Кларка, когда тот выходил из гавани, направляясь в Лондон. На другой день они захватили еще одно судно, выходившее из Чарлзтауна, и два пинка, шедших в Чарлзтаун, а также бригантину с четырнадцатью неграми на борту. Все это происходило в виду города, поэтому вся провинция Каролина была охвачена ужасом, ведь совсем недавно их посетил Вейн, другой печально известный пират. Гражданские власти впали в отчаяние, оказавшись не в состоянии противостоять пиратам. В гавани было восемь парусников, готовых выйти в море, но ни один не осмелился на это – было практически невозможно ускользнуть из рук морских разбойников. Суда, направлявшиеся в гавань, оказались перед тем же незавидным выбором, и торговля в этих местах была полностью парализована.

Тич задержал все корабли и пленников, а поскольку у него был дефицит лекарств, решил потребовать ящик медикаментов у правительства провинции. Ричардс, капитан шлюпа «Месть», и с ним еще двое подручных были посланы на берег вместе с мистером Марксом, одним из пленников, которого захватили на корабле Кларка. Они решительно объявили свои требования, угрожая, что если им не предоставят лекарств и не дадут возможности беспрепятственно вернуться, то пираты перебьют пленников, пошлют их головы губернатору, а захваченные корабли подожгут.

Пока мистер Маркс обращался в Совет, Ричардс и остальные пираты открыто гуляли по улицам. Правительство недолго обдумывало послание, хотя оно было наибольшим из оскорблений, какое только можно нанести. Однако ради сохранения жизни многих людей (в том числе и мистера Сэмуэля Рэгга, одного из членов Совета при губернаторе) они уступили необходимости и послали на борт аптечный ящик ценой от трех до четырех сотен фунтов, а пираты невредимыми вернулись на свои корабли.

Черная Борода (так обычно называли Тича), как только получил лекарства и увидел невредимыми посланных собратьев по ремеслу, отпустил корабли и пленников, взяв, правда, с них золотом и серебром около полутора тысяч фунтов стерлингов, не считая провизии и прочих товаров.

От мели Чарлзтауна они направились к Северной Каролине: капитан Тич – на корабле, который они называли военным, капитан Ричардс и капитан Хэндс – на шлюпах, которые именовали приватирами. В их эскадре был еще один шлюп, который служил вспомогательным судном. Тич начал уже подумывать о том, чтобы распустить команду, придержав деньги и лучшее из имущества для себя и нескольких своих товарищей. Под видом того, что заходит в бухту Топсель почиститься, он посадил корабль на мель, а после приказал шлюпу Хэндса прийти на помощь и снять его. Тич взошел на вспомогательный шлюп с сорока матросами и оставил на мели «Месть», а семнадцать человек с нее высадил на песчаном островке приблизительно в лиге от материка, где не было никакого пропитания и где они погибли бы, если бы через два дня майор Боннет их не снял.

Тич, а с ним около двух десятков человек, явились к губернатору Северной Каролины и сдались по указу Его Величества, и все они получили свидетельства от Его превосходительства. Но оказалось, что этот шаг они сделали только для того, чтобы дожидаться благо-

приятной возможности и начать игру сначала. Кроме того, что Тич начал свой промысел, он успел еще и подружиться с губернатором Чарлзом Иденом, эсквайром.

Первой услугой, каковую этот добрый губернатор оказал Черной Бороде, было утверждение его в правах на судно, которое он захватил, пиратствуя на большом корабле под названием «Месть королевы Анны». С этой целью в Бастауне созван был суд Вице-Адмиралтейства: пусть Тич никогда не имел лицензии, пусть шлюп принадлежал английским купцам и был захвачен в мирное время... Однако суд объявил этот шлюп призом, взятым у испанцев капитаном Тичем.

Прежде чем отправиться навстречу новым приключениям, он женился на юном создании лет шестнадцати от роду. И обряд провел именно губернатор. Так Тич, как мне сообщили, получил четырнадцатую жену, притом что из всех его жен около дюжины были еще живы.

В июне 1718 года Тич вышел в очередной поход и взял курс на Бермуды. Он встретил на своем пути два или три английских судна, но взял с них только провизию и иные припасы, необходимые для текущих нужд. С подветренной от острова стороны он столкнулся с двумя французскими кораблями, один из которых был нагружен сахаром и какао, а другой порожним направлялся на Мартинику. Корабль без груза он отпустил, посадив на него всех матросов с грузеного корабля, другой же корабль вместе с грузом привел в Северную Каролину, где губернатор и пираты поделили награбленное.

Тич и еще четверо из его команды пошли к Его превосходительству и заявили под присягой, что нашли в море покинутый французский корабль. Губернатор созвал суд, и на корабль наложили арест. Губернатор в качестве своей доли получил шестьдесят хогсхедов⁶ сахара, а некий мистер Найт, его секретарь, и сборщик налогов провинции – двадцать, остальное было поделено между пиратами. Дело, однако, тем не закончилось: оставался еще сам корабль, который кто-нибудь мог опознать и раскрыть мошенничество. Но Тич придумал, как это предотвратить: под предлогом, что корабль дал течь и может затонуть и тем самым закрыть вход в бухту, где стоит, Тич обзавелся приказом губернатора вывести корабль в реку и поджечь. Корабль сгорел, скрыв под водой опасения, что он когда-нибудь всплывет на судебном разбирательстве, чтобы свидетельствовать против пиратов и их доброго покровителя.

Капитан Тич, или Черная Борода, провел на реке три-четыре месяца, то становясь на якорь в затонах, то плавая от одной бухты к другой, продавая награбленное встречным шлюпам, и, если бывал в добром настроении, часто оделял их подарками за отнятые у них припасы и продовольствие.

Шкиперы шлюпов, ведущих торговлю вверх и вниз по реке и столь часто подвергавшихся нападениям, стали держать совет с торговцами и самыми надежными из плантаторов относительно того, чтобы предпринять что-то против Черной Бороды: они ясно видели, что обращаться к губернатору бессмысленно, тот наверняка защитит своего «друга». Было решено послать прошение губернатору соседней провинции, Виргинии, чтобы тот отправил на усмирение Черной Бороды находящиеся там корабли и вооруженные силы.

Губернатор посовещался с капитанами двух военных кораблей, «Жемчужины» и «Лайма», которые уже около десяти месяцев стояли на реке Св. Джемса. Было решено, что губернатор наймет пару небольших шлюпов, а военные корабли дадут для них людей. Командование шлюпами поручили мистеру Роберту Мейнард, первому лейтенанту «Жемчужины», опытному офицеру, джентльмену большой храбрости и решительности. Шлюпы хорошо оснастили, однако пушки на них не установили.

⁶ Хогсхед – старинная мера жидкостей; тростниковый сахар, добывавшийся в виде густого сиропа, перевозился в больших бочках, которые тоже назывались «хогсхеды».

Семнадцатого ноября 1718 года лейтенант отплыл из Кикветана, стоявшего на Джемс-ривер в Виргинии, и вечером 21-го пришел к устью бухты Окрекок, где увидел пиратов. Экспедиция проводилась со всей мыслимой секретностью, и офицер соблюдал необходимые предосторожности, останавливая все лодки и суда, попадавшие на реке, чтобы лишить Черную Бороду возможности получить какие-либо сведения, и в то же время получать от всех сообщения о месте, где скрывался пират. Несмотря на предосторожности, Черная Борода был уведомлен о плане Его превосходительством, самым «добрым другом», губернатором провинции.

Тич уже получал ранее предупреждения, позже оказывающиеся ложными, и мало поверил этому, не удосужившись удостовериться в его подлинности. Лишь когда он своими глазами разглядел шлюпы, то дал команду готовить судно к защите. У него на борту было всего двадцать пять человек. Приготовившись к сражению, он сошел на берег и провел ночь, пьянствуя со шкипером торгового шлюпа, который, как считали, имел с Тичем больше дел, чем следовало бы.

Лейтенант Мейнард бросил якорь: место было мелкое, а пролив сложный, и той ночью туда, где стоял Тич, войти было нельзя. Но уже утром он снялся с якоря, послал шлюпку на разведку и, подойдя к пирату на расстояние пушечного выстрела, принял залп на себя. Далее Мейнард поднял королевский флаг и ринулся на Тича так быстро, как только позволяли паруса и весла. Черная Борода, продолжая палить из пушек, обрезал якорь и попытался спастись бегством. Мейнард за неимением таковых вел непрерывный огонь из ручного оружия, а часть его людей трудилась на веслах. Через малое время шлюп Тича наскочил на мель. Поскольку шлюп мистера Мейнарда имел осадку больше, чем у пирата, то не мог подойти вплотную. Тогда лейтенант встал на якорь в половине пушечного выстрела и, чтобы облегчить свое судно и иметь возможность пойти на abordage, приказал выбросить за борт весь балласт и выбить днища у всех бочек с водой, а затем поднял якорь и направился к пирату. Черная Борода с негодованием окликнул его:

– Черт побери, кто ты такой? И откуда ты взялся?

– Ты видишь по нашему флагу, что мы не пираты.

Тич заявил, что приглашает его к себе на борт, чтобы взглянуть, кто перед ним.

На что Мейнард ответил:

– У меня нет лишних шлюпок. Но я перейду к тебе на борт, как только смогу, с борта своего шлюпа.

– Проклятье на мою душу, если я пощажу тебя или приму от тебя пощаду!

В ответ Мейнард крикнул, что не ждет от него пощады и сам ему пощады не обещает.

К тому времени шлюп Черной Бороды сошел с мели. Поскольку шлюпы лейтенанта Мейнарда гребли к нему, пока он еще не успел подвсплыть ни на фут, каждый человек на них подвергался опасности, и когда они подошли вплотную (а до сего момента обе стороны получили весьма мало разрушений или даже вовсе никаких), пират дал бортовой залп, зарядив пушки всякого рода мелкою дробью. Это был роковой удар! На шлюпе, на коем находился лейтенант, было убито и ранено двадцать человек, на другом же шлюпе – девять: с этим ничего нельзя было поделать, ибо ветра не было и они вынуждены были идти на веслах, иначе пират ушел бы, чему, по-видимому, лейтенант был полон решимости помешать.

После этого несчастливого удара шлюп Черной Бороды ткнулся бортом в берег. Второй шлюп Мейнарда, называвшийся «Бродяга», был выведен из строя. Лейтенант, обнаружив, что его шлюп скоро будет борт к борту с Тичем, отдал своим людям приказ спуститься в трюм: он опасался еще одного бортового залпа, который означал бы уничтожение экспедиции. Лейтенант Мейнард был единственным, кто оставался наверху, не считая рулевого, которому он приказал лечь на палубу. Матросам в трюме было велено держать пистолы и сабли наготове для рукопашного боя и по команде подниматься наверх, для чего к люку

были приставлены две лестницы. Когда шлюп лейтенанта взял пирата на abordаж, люди капитана Тича метнули на палубу несколько гранат, то бишь оплетенных бутылок с порохом и дробью, пулями и кусочками свинца или железа, с горящим фитилем в горлышке. Черная Борода, видя, что на борту никого не видно, приказал своим людям завершить разгром, для чего перепрыгнуть на борт шлюпа и пустить в дело сабли.

После чего, укрываясь за дымом одной из упомянутых бутылок, Черная Борода с четырнадцатью матросами поднялся на нос шлюпа Мейнарда. Как только воздух очистился, лейтенант подал своим людям сигнал. Они мгновенно поднялись из трюма и атаковали пиратов. Черная Борода и Мейнард разрядили друг в друга по pistolю, причем пират был ранен. Затем противники бились на саблях, пока сабля лейтенанта не сломалась. Он вынужден был отступить, чтобы взвести курок, но в тот миг, когда Черная Борода поднял abordажную саблю для удара, один из людей Мейнарда нанес ему страшную рану в шею и горло, так что лейтенант отделался лишь небольшим порезом на пальцах.

Теперь они сошлись вплотную и бились не на жизнь, а на смерть – лейтенант с двенадцатью матросами против Черной Бороды с четырнадцатью, – пока море вокруг судна не окрасилось кровью. Черная Борода был ранен из pistolя лейтенанта Мейнарда, и все же не отступал, пока не получил двадцать пять ран, причем пять из них огнестрельных. Наконец, уже выстрелив из нескольких pistolей и взводя еще один, он упал замертво. К тому времени умерло еще восемь из четырнадцати пиратов, а остальные, неоднократно раненные, запросили пощады, которая была им дарована, хотя это продлило их жизни всего на несколько дней. Подоспел шлюп «Бродяга» и так решительно атаковал пиратов на шлюпе Черной Бороды, что те взмолились о пощаде.

Таков был конец этого отважного негодяя, который мог бы прослыть в мире героем, если бы занялся добрым делом. Его уничтожение стало возможным только благодаря мужеству лейтенанта Мейнарда и храбрости его людей. Тича можно было бы разбить с гораздо меньшими потерями, будь у них судно с тяжелыми пушками: но военные были вынуждены использовать малые суда, ведь в бухты, где тот скрывался, не могли пройти суда большей осадки.

Нынче кажется несколько странным, что некоторые из тех, кто так храбро вел себя в сражении против Черной Бороды, впоследствии сами пошли пиратствовать, а один из них был даже схвачен вместе с капитаном Робертсом. Но неизвестно, чтобы кто-либо из них понес наказание, за исключением этого господина.

Лейтенант, приказав отделить голову Черной Бороды от тела и подвесить на конце бушприта, поплыл в Бастаун, чтобы оказать помощь своим раненым.

При обыске пиратского шлюпа были обнаружены несколько писем и документов, которые вскрыли переписку губернатора Идена, секретаря и сборщика налогов, а также некоторых торговцев из Нью-Йорка с Черной Бородой. Пират был достаточно внимателен к своим друзьям и просто не успел уничтожить эти бумаги, чтобы не дать им попасть не в те руки, ведь подобное открытие не принесло бы пользы интересам или репутации столь славных джентльменов.

Прибыв в Бастаун, лейтенант позволил себе конфисковать со склада губернатора те самые шестьдесят хогсхедов сахара, а еще двадцать – у честнейшего мистера Найта. Мистер Найт недолго переживал это постыдное разоблачение: в ожидании, что его могут призвать к ответу за эти «милые пустячки», от страха он занемог и через несколько дней скончался.

После того как раненные оправились, лейтенант отплыл назад в Виргинию с головой Черной Бороды, по-прежнему висевшей на конце бушприта, и пятнадцатью пленными, из которых тринадцать было повешено. На суде оказалось, что один из них, Сэмюэл Одел, был взят с торгового шлюпа лишь в ночь перед сражением. Бедняге не повезло с первым прикосновением к новому ремеслу – после боя на нем обнаружилось не менее семидесяти

ран, но он выжил и излечился. Вторым человеком, который избежал виселицы, был некий Израэль Хэндс, штурман на шлюпе Черной Бороды, на котором прежде был капитаном, пока «Месть королевы Анны» не погибла в бухте Топсель.

Этот самый Хэндс не участвовал в сражении, но был схвачен позже в Бастауне: незадолго до того Черная Борода искалечил его, ранив из пистоля в пьяной перестрелке. Когда у Тича спросили, что сие означает, он ответил, что, если бы время от времени не убивал одного из них, то они бы позабыли, кто он такой.

Хэндса судили и признали виновным, но, когда его уже собирались казнить, в Виргинию прибыл корабль с указом, продлевающим срок амнистии Его Величества тем пиратам, которые сдадутся до истечения указанного в амнистии времени. Несмотря на уже вынесенный приговор, Хэндс просил о помиловании, которое и было ему даровано. Он перебрался в Лондон и, пока оставался на виду, просил милостыню.

Нельзя не вспомнить о бороде Тича, раз уж она немало способствовала его славе. Борода эта была черного цвета, и он отрастил ее до невероятной длины; что касается ширины, то она доходила ему до глаз – обычно он заплетал ее в косички, перевивая их лентами, и накручивал сии косички себе на уши. Во время боя он цеплял через плечо на манер бандальеры⁷ ружейный ремень, с которого свисали три пары пистолей в кобурах, и засовывал под края шляпы зажженные спички – когда они с двух сторон освещали его лицо, глаза его казались невероятно свирепыми и дикими. Все это, взятое вместе, придавало ему такой вид, что людское воображение не могло породить чудовища, чей облик был бы более пугающим.

Если обличьем Тич походил на мифическое чудовище, то его причуды и страсти были под стать облику. Вот всего два штриха к его портрету.

Однажды достаточно выпив, Тич предложил:

– А ну-ка сотворим ад и посмотрим, сколь долго мы сможем его выносить!

Хорошенько продумав эту «забаву», он и еще трое пиратов спустились в трюм и, задраив все люки, доверху наполнили несколько горшков серой и другими горючими веществами и подожгли. Они едва не задохнулись, но в конце концов Тич открыл люки, немало довольный тем, что продержался дольше всех.

В день перед смертью Черная Борода, уже имея сведения о двух шлюпах, выступивших против него, пил до утра с несколькими из своих людей и шкипером торгового судна. На вопрос, знает ли его жена, где он закопал свои деньги, если что-то случится, Тич ответил, что ни одно живое существо, кроме него самого и дьявола, не знает, где они, и тот из них двоих, кто продержится дольше, возьмет все.

Те из его команды, кто был захвачен живыми, рассказывали историю, которая может показаться невероятной. Однажды в плавании они обнаружили, что на борту, кроме команды, есть еще один человек: его в течение нескольких дней видели иногда внизу, а иногда на палубе, и все же никто на корабле не мог сказать, кто он и откуда взялся. Пираты рассказывали, что он исчез незадолго до того, как большой корабль потерпел крушение, и, похоже, они всерьез считали, что то был сам дьявол.

Эти негодяи прожигали свои жизни в весьма сомнительных удовольствиях, владея тем, что силой отняли у других. Они пребывали в полной уверенности, что в конце концов за это придется заплатить, однако даже позорная кончина их не пугала.

Вот имена пиратов, убитых в сражении:

Эдвард Тич, капитан,

Филип Мортон, канонир,

Гэррет Гиббенс, боцман,

⁷ Бандальерой называлась деталь пехотной амуниции: разновидность перевязи, идущей крест-накрест через грудь.

Оуэн Робертс, плотник,
Томас Миллер, старшина-рулевой,
Джон Хаск,
Джозеф Кертис,
Джозеф Брукс (1),
Нат Джексон.

Остальные, исключая двух последних, были ранены и позже повешены в Виргинии.

Джон Карнз,
Джозеф Брукс (2),
Джемс Блейк,
Джон Гиллз,
Томас Гейтс,
Джемс Уайт,
Ричард Стайлз,
Кесарь,
Джозеф Филиппс,
Джемс Роббинс,
Джон Мартин,
Эдвард Солтер,
Стивен Дэниел,
Ричард Гринсэйл,
Израэль Хэндс, помилован,
Сэмюэл Одел, оправдан.

В пиратских шлюпах и в лагере на берегу возле того места, где стояли шлюпы, было найдено двадцать пять хогсхедов сахара, одиннадцать бочек и сто сорок пять мешков какао, бочонок индиго и кипа хлопка. Все это вместе с тем, что было изъято у губернатора и секретаря, а также тем, что было выручено от продажи шлюпа, составило две с половиной тысячи фунтов стерлингов – помимо наград, выплаченных губернатором Виргинии в соответствии с обещанием. Все было разделено между командами двух кораблей, «Лайма» и «Жемчужины», стоявших на Джемс-ривер. Храбрецы, что были во главе, взяли себе обычную долю наряду с простыми матросами, каковые деньги были выплачены всем в течение трех месяцев.

Глава IV

Стид Боннет и его команда

Майор Боннет пользовался хорошей репутацией на острове Барбадос, где владел крупным состоянием. Исходя из этого он менее прочих должен был бы поддаться искушению пойти пиратской стезей. На острове, где он жил, впоследствии скорее жалели его, нежели осуждали, полагая, что его решение податься в пираты произошло от смятения ума, ведь майор ничего не понимал в морских делах.

Тем не менее он снарядил за свой счет шлюп с десяти пушками и с командой из семидесяти матросов и под покровом ночи отплыл с Барбадоса. Свой шлюп он назвал «Месть». Первое его плавание проходило недалеко от мысов Виргинии, где он захватил несколько кораблей и забрал у них провизию, одежду, деньги, амуницию и т. д. Вот названия кораблей «первой добычи» Боннета: «Анна» капитана Монтгомери из Глазго; «Тербет» с Барбадоса, который пираты предали огню, взяв себе основную часть груза; «Усилие» капитана Скота из Бристоля; «Юный» из Лейса. После этого они пошли к Нью-Йорку и восточной оконечности Лонг-Айленда и захватили шлюп, направлявшийся в Вест-Индию, после чего подошли к берегу и высадили несколько человек на остров Гарденер, но вели себя там миролюбиво, купили провизии для команды, за которую заплатили не скупясь, и спокойно отбыли.

В августе 1717 года Боннет, курсируя вдоль отмелей Южной Каролины, захватил направлявшиеся туда шлюп и бригантину. Шлюп шкипера Джозефа Палмера принадлежал Барбадосу и был нагружен ромом, сахаром и рабами. Бригантина шкипера Томаса Портера шла из Новой Англии, ее ограбили ипустили. Шлюп пираты захватили с собой и в одном из заливов Северной Каролины попытались его кренговать, а потом предали огню.

Очистив свой шлюп, они направились в море, но не могли решить, на какой курс ложиться. Майор был никудышным моряком и потому вынужден был соглашаться на многое, что ему навязывали. Наконец он очутился в компании другого пирата, Эдварда Тича. Этот малый был хорошим моряком, но самым жестоким и закоренелым из злодеев, дерзким и отчаянным, готовым на самые гнусные злодеяния.

Команда Боннета присоединилась к нему, сам же Боннет был низложен. Он перешел на корабль Черной Бороды и оставался там, пока корабль не погиб в бухте Топсель, а Ричардс был назначен капитаном на его место. Майор видел свое безрассудство, но ничего не мог поделать, размышлял над течением жизни и был полон смущения и стыда, когда думал о том, что сотворил.

Когда Черная Борода потерял в бухте Топсель корабль и согласно королевской амнистии сдался, Боннет вновь принял командование собственным шлюпом «Месть», пошел в Бастаун в Северной Каролине, тоже сдался на милость короля и получил о том свидетельство. В это время разразилась война между Тройственным союзом и Испанией: майор Боннет получил для своего шлюпа открытый лист на плавание от Северной Каролины вплоть до острова Св. Томаса. Когда Боннет вернулся в бухту Топсель, то обнаружил, что Тич с шайкой ушли и забрали все деньги, ручное оружие и ценное имущество с большого корабля, а кроме того высадили на небольшой песчаный островок в лиге с небольшим от материка семнадцать человек в надежде избавиться от свидетелей.

Майор Боннет объявил, что намерен взять неограниченную лицензию на приватирские действия и выступить против испанцев, а для этого идет к острову Св. Томаса. И потому, если кто пожелает идти с ним, того с радостью примут. Но когда шлюп готовился к отплытию, стало известно, что Тич стоит в бухте Окрекок с восемнадцатью-двадцатью членами команды. Боннет, питавший к Черной Бороде смертельную ненависть, немедленно отпра-

вился туда, но опоздал и, проплавав там четыре дня и не узнав о нем ничего нового, направился к Виргинии.

Два дня спустя они погнались за шестидесятитонным шлюпом и взяли его в двух лигах мористее мыса Генри.

После этого майор, который теперь предпочитал прозвище Капитан Томас, отбросил всю свою сдержанность и, хотя только что получил помилование Его Величества под именем Стида Боннета, вновь принялся за старое ремесло. Он чинил откровенное пиратство, захватывая и грабя все суда, с коими встречался. Мористее мыса Генри он захватил два корабля из Виргинии, направлявшиеся в Глазго. На следующий день они захватили малый шлюп, направлявшийся из Виргинии на Бермуды, который снабдил их двадцатью баррелями свинины, а взамен они дали два барреля риса и хогсхед черной патоки, также два человека с того шлюпа присоединились к ним по своей воле. Следующим они захватили еще один виргинский корабль, направлявшийся в Глазго, но не обнаружили на нем ничего ценного.

Из Виргинии они поплыли к Филадельфии и на 38° северной широты захватили шхуну, шедшую из Северной Каролины в Бостон, с которой взяли лишь две дюжины телячьих шкур, намереваясь сделать из них чехлы для своих пушек, да двух матросов. Шхуну они удерживали несколько дней.

Двадцать девятого июля в шести-семи лигах от залива Делавер капитан Томас захватил пятидесятитонный шлюп под командованием Томаса Рида, направлявшийся из Филадельфии на Барбадос, груженный провизией. Этот шлюп он оставил себе и перевел на него четверых или пятерых из своих людей. В последний день июля они захватили еще один шлюп в шестьдесят тонн под командованием Питера Мэнворинга, шедший с Антигуа в Филадельфию, и тоже оставили его себе со всем грузом, состоявшим из черной патоки, сахара, хлопка, индиго и примерно двадцати пяти фунтов стерлингов.

В последний день июля разбойники вместе с последними из захваченных судов покинули залив Делавер и направились к реке на мысе Фиар, где простояли слишком долго для того, чтобы остаться в безопасности: пиратский шлюп, которому они дали новое имя «Король Джемс», дал сильную течь. Теперь они вынуждены были оставаться там почти два месяца, чтобы перевооружить и отремонтировать судно. Так стало известно о том, что в этих водах кренгуется пиратское судно вместе со своими призами.

Получив такие сведения, Совет Южной Каролины встревожился. Чтобы предотвратить нападение, полковник Уильям Рет явился к губернатору и великодушно вызвался пойти с двумя шлюпами и напасть на пиратов, на что губернатор с готовностью согласился, дав полковнику полномочия и полную власть снарядить те суда, которые тот считает подходящими. Через несколько дней два шлюпа были оснащены и укомплектованы командой: «Генри» с восьмью пушками и семьюдесятью матросами под командованием капитана Джона Мастерса и «Морская нимфа» с восьмью пушками и шестьюдесятью матросами под командованием капитана Фейрера Холла.

Четырнадцатого сентября полковник Рет поднялся на борт «Генри» и вместе со вторым шлюпом отбыл из Чарлзтауна на остров Свилливантс, чтобы подготовиться к плаванью. В это самое время прибыл небольшой корабль с Антигуа с сообщением, что неподалеку от отмели, перекрывающей вход в гавань, его захватил и ограбил некий Чарлз Вейн, пират, командующий бригаантиной в двенадцать пушек и девяносто человек. Это был именно тот Вейн, что прежде захватил два других судна, направлявшихся на помощь Рету, – малый шлюп шкипера Дилла с Барбадоса и бригантину шкипера Томпсона из Гвинеи.

Вейн какое-то время курсировал недалеко от отмели и, к несчастью для себя, захватил на выходе из гавани два корабля, направлявшихся в Лондон: пока пленники находились у него на борту, кое-кто из пиратов проболтался, что они собираются войти в одну из рек к югу от города. Узнав об этом, полковник Рет 15 сентября вышел на двух шлюпах за отмели

и под северным ветром начал прочесывать реки и заливы к югу. Но, не встретив никого, изменил курс и направился к реке мыса Фиар в погоне за капитаном Томасом. 26 сентября вечером полковник со своей небольшой эскадрой вошел в реку и увидел за мысом три шлюпа, стоявших на якоре, – это был майор Боннет и его призы. Но случилось так, что, поднимаясь вверх по реке, лоцман посадил шлюпы полковника на мель, а пока они снова оказались на плаву, наступила темнота, которая помешала им двигаться дальше. Пираты обнаружили шлюпы и, не зная, чьи они и с какими намерениями вошли в реку, отправили людей на трех каноэ захватить их, однако те вернулись с неприятным известием. В ту ночь майор Боннет приготовился к бою и снял с призов всех своих людей. Он также показал одному из пленников, капитану Мэнворингу, письмо, которое только что написал и которое собирался послать губернатору Каролины. В нем говорилось, что если шлюпы были посланы против него упомянутым губернатором и если ему, Боннету, придется удалиться, не закончив своих работ, то он начнет сжигать и уничтожать все корабли или суда, идущие в Южную Каролину или выходящие из нее. С наступлением утра они подняли паруса и пошли вниз по реке, стараясь прорваться с боем. Шлюпы полковника Рета также подняли паруса и направились следом, с каждой минутой приближаясь к пирату, чтобы взять его на абордаж. Тот, пытаясь спастись, пошел наискосок к берегу, где его шлюп, подвергшийся сильному обстрелу, сел на мель. Шлюпы Каролины не миновала эта же беда: «Генри», на борту которого находился полковник Рет, сел на мель по носу от пирата на расстоянии pistolетного выстрела; второй – прямо перед ним, но вне досягаемости пушечного выстрела.

Пираты с насмешкою махали шляпами людям полковника, приглашая их на борт, на что те отвечали криками «Ура!» и обещали, что скоро поговорят с ними по душам. Так и произошло: шлюп полковника, первым оказавшись на плаву, перешел на более глубокую воду и, на скорую руку поправив такелаж, направился к пиратам, чтобы нанести завершающий удар. Пираты вывесили белый флаг и после недолгих переговоров сдались. Полковник овладел пиратским шлюпом и с удовольствием обнаружил, что командовавший им капитан Томас – это не кто иной, как майор Сид Боннет собственной персоной.

В той схватке на борту «Генри» было убито десять человек и ранено четырнадцать, на борту «Морской нимфы» – двое убито и четверо ранено. Офицеры и матросы обоих шлюпов вели себя с величайшей храбростью и, если бы шлюпы не сели на мель, захватили бы пиратов с гораздо меньшими потерями. У пиратов было семеро убитых и пять раненых, из которых двое вскоре умерли от ран. Полковник Рет отплыл из реки мыса Фиар 30 сентября и 3 октября прибыл в Чарлзтаун, к великой радости всей провинции Каролина.

Боннет и его шайка были отправлены на берег два дня спустя. Сам майор Боннет находился под стражей у судебного исполнителя. Через несколько дней Дэвида Хэриота, штурмана, и Игнатиуса Пелла, боцмана, которые вызвались дать показания против прочих пиратов, также перевели в дом судебного исполнителя. Неизвестно, как это получилось, но 24 октября майор Боннет и Хэриот совершили побег, боцман последовать за ними отказался. Это наделало много шума, и люди открыто выражали свое негодование, зачастую направляя его на губернатора и других членов магистрата, которые якобы получили взятку за содействие в побеге.

Боннет направился на маленьком суденышке к северу, но поскольку он нуждался в самом необходимом, а погода была плохая, был вынужден вернуться на остров Свилливантс, возле Чарлзтауна, чтобы запастись провизией. Губернатор вновь послал за полковником Ретом и приказал ему пуститься в погоню за Боннетом. Полковник той же ночью отправился на остров Свилливантс и после тщательных поисков обнаружил и Боннета, и Хэриота. Люди полковника открыли огонь и убили Хэриота на месте, а одного негра и одного индейца ранили. Боннет признал свое поражение и сдался. На следующее утро, а именно 6 ноября,

он был доставлен полковником Ретом в Чарлзтаун и по распоряжению губернатора заключен в надежное узилище в ожидании суда.

Двадцать восьмого октября 1718 года в Чарлзтауне в Южной Каролине открылась сессия суда Вице-Адмиралтейства, где слушалось дело пиратов, взятых на шлюпе, называемом «Месть», а позже «Король Джемс», в присутствии Николаса Трота, эсквайра, судьи Вице-Адмиралтейства и председателя суда вышеназванной провинции Южная Каролина, а также других членов суда.

Все обвиняемые заявили, что они невиновны, и обжаловали приговор, кроме Джемса Уилсона и Джона Левита. Арестованные почти не защищались, каждый заявил только, что был снят с необитаемого острова и отправился с майором Боннетом к острову Св. Томаса; что, находясь в открытом море и испытывая нужду в провизии, был принуждаем остальными к тому, что они делали. Да и сам майор Боннет поступил так же, заявляя, что сила обстоятельств, а вовсе не склонность к грабежу, стала причиной всех его деяний. Тем не менее, поскольку факты были полностью доказаны и на каждого из обвиняемых приходилось по десять-одиннадцать вооруженных нападений, все они были признаны виновными. Судья обратился к ним с весьма суровой речью, которая завершилась смертным приговором.

В субботу 8 ноября 1718 года матросы и прочие подручные Стида Боннета были казнены в Уайтпойнте возле Чарлзтауна. Что касается капитана, то побег затянул решение его судьбы и на несколько дней продлил ему жизнь, но, будучи признан виновным, он услышал такой же приговор, как и прочие.

Глава V

Капитан Эдвард Инглэнд и его команда

Эдвард Инглэнд служил помощником капитана на шлюпе, который шел с Ямайки и был захвачен капитаном Уинтером, пиратом, после поселившимся на Провиденсе. После этого Инглэнд и стал командовать шлюпом.

Удивительно, что может заставить достойного человека заняться столь порицаемым и преступным ремеслом! Инглэнд был одним из тех людей, кто, кажется, обладает столь многим благоразумием, что оно должно бы научить его лучшим поступкам. У него хватало добрых наклонностей и не было недостатка в храбрости. Он не был алчен и чуждался дурного обращения с пленниками.

После того как остров Провиденс был заселен английским правительством, а пираты сдались по амнистии Его Величества, объявленной Вудсом Роджером в июне 1718 года, капитан Инглэнд отплыл к африканскому берегу, где захватил несколько кораблей и судов, в числе которых у берегов Сьерра-Леоне взял сноу «Кадоган», приписанный к Бристолу.

Капитан сноу, господин Скиннер, был бесчеловечно убит пиратами, которые еще недавно были его же матросами. Вероятно, между ними произошла какая-то ссора, и Скиннер счел нужным отправить этих матросов на военный корабль, отказавшись выдать им жалованье. Вскоре они нашли возможность дезертировать с военной службы и плавали с капитаном Инглэндом.

Пираты взяли со сноу немного вещей, но само судно и весь его груз отдали Хоуэллу Дэвису, помощнику капитана, и оставшейся части команды сноу. О капитане Дэвисе мы расскажем чуть позже.

Капитан Инглэнд захватил корабль под названием «Жемчужина» (капитан – командер Тизард), на который поменял свой шлюп, приспособил его для пиратских целей и заново окрестил, поименовав «Ройял Джемс». Плавая на нем, он захватил несколько судов разных стран у Азорских островов и островов Зеленого Мыса.

Весной 1719 года бродяги вернулись к Африке и, начиная от реки Гамбия, поплыли вдоль всего побережья. И между ней и мысом Корсар славно поохотились. Ниже приведен перечень их добычи:

пунк «Орел» под командованием капитана Риккетса, приписанный к Корку, захвачен 25 марта. На борту шесть пушек и семнадцать человек команды, семеро из которых стали пиратами;

«Шарлотта» капитана Олдсона из Лондона, захвачена 26 мая. На борту восемь пушек и восемнадцать человек команды, тринадцать из которых стали пиратами;

«Сара» капитана Станта из Лондона, захвачена 27 мая. На борту четыре пушки и восемнадцать человек команды, трое из которых стали пиратами;

«Бентворт» капитана Гарденера из Бристоля, захвачен 27 мая. На борту двенадцать пушек и тридцать человек команды, двенадцать из которых стали пиратами;

шлюп «Олень» капитана Силвестра из Гамбии, захвачен 27 мая. На борту две пушки и два человека команды, оба стали пиратами;

«Картерет» капитана Сноу из Лондона, захвачен 28 мая. На борту четыре пушки и восемнадцать человек команды, пять из которых стали пиратами;

«Меркурий» капитана Мэгготта из Лондона, захвачен 29 мая. На борту четыре пушки и восемнадцать человек команды, пять из которых стали пиратами;

галера «Робкий» капитана Крида из Лондона, захвачена 17 июня. На борту две пушки и тринадцать человек команды, четверо из которых стали пиратами;

«Элизабет и Кэтрин» капитана Бриджа с Барбадоса, захвачена 27 июня. На борту шесть пушек и четырнадцать человек команды, четверо из которых стали пиратами.

Пинк «Орел», который держал путь на Ямайку, «Сару», которая направлялась в Виргинию, и «Оленя», который следовал в Мериленд, они отпустили, «Шарлотту», «Бентворт», «Картерет» и галеру «Робкий» предали огню, а «Меркурий» и «Элизабет и Кэтрин» приспособили под пиратские корабли. Первый теперь назывался «Месть королевы Анны» и был отдан под командование некоему Лэйну, второй был назван «Летучим королем», а капитаном на нем назначили Роберта Сэмпла. Эти двое оставили Инглэнда у побережья и направились в Вест-Индию, где взяли несколько призов, почистились, отремонтировались и в ноябре поплыли в Бразилию. В тамошних водах они захватили несколько португальских кораблей, причинив множество бед и ущерба, но в самый разгар этого «веселья» португальский военный корабль, обладавший превосходными мореходными качествами, пустился за пиратами в погоню. «Месть королевы Анны» смогла спастись, но вскоре погибла на этом побережье. А «Летучий король» выбросился на берег: на борту его было семьдесят человек, двенадцать из которых были убиты, а остальные пленены.

Инглэнд, спускаясь дальше вдоль побережья, захватил галеру «Петерборо» из Бристоля капитана Оуэна и «Победу» капитана Ридauta. Первую он оставил себе, а вторую ограбил и отпустил. На рейде мыса Корсар они увидели два парусника, стоявших на якоре, но прежде чем могли достигнуть их, те подняли якоря и подошли близко к крепости мыса Корсар.

На рейде Видаха они обнаружили другого пирата, капитана Ла Буше, который, явившись до прибытия Инглэнда, парализовал торговлю и разочаровал собственным появлением собратьев по ремеслу.

Тогда капитан Инглэнд направился в гавань, почистил и поправил свой корабль и приспособил для пиратских деяний «Петерборо», который назвал «Победа». Несколько дней они буйствовали на берегу так, что дошли до открытой вражды с туземцами, некоторых даже убили, а поселения сожгли.

Когда же они вышли в море, то стали решать, какой путь выбрать дальше, и в начале 1720 года прибыли на Мадагаскар. Но оставались там недолго и, набрав воды и провизии, отплыли к Малабарскому берегу – прекрасной и плодороднейшей земле Могольской империи. На том же побережье, но дальше к северу, расположены Гоа, Сурат, Бомбей: тут поселения англичан, голландцев и португальцев.

Здесь пираты захватили несколько местных кораблей – остендеров, сиречь индийцев, и одно европейское – голландский корабль, которым заменили один из своих, а затем вернулись на Мадагаскар.

Приведя в порядок свои корабли, они недолго оставались на острове и поплыли к Иоганне. Повстречав два английских корабля и один остендер, выходящие из той гавани, один они после отчаянного сопротивления захватили.

Тут произошло событие, повернувшее судьбу капитана остендера: детина с устрашающими бакенбардами и деревянной ногой, обвешанный пистолями, явился на ют и спросил, чертыхаясь, кто здесь будет капитан Макрэ. Капитан ожидал, что этот пират станет его палачом. Но тот, ухватив его за руку, поклялся: мол, будь он проклят, как он рад его видеть! И покажите мне, кто осмелится обидеть капитана Макрэ, ибо он будет иметь дело со мной.

Инглэнд склонен был покровительствовать капитану захваченного судна, Макрэ, но дал ему понять, что его взгляды не находят поддержки среди пиратов, что они сильно раздражены сопротивлением, какое он, Макрэ, оказал, и он боится, что едва ли сможет защитить его.

Инглэнд посоветовал капитану Макрэ поскорее убираться, и этому совету капитан, не упрямясь долго, последовал. Столь упорно блюдя интересы капитана Макрэ, капитан

Инглэнд тем самым приобрел многих врагов среди команды: они считали такое обхождение недопустимым, ведь оно выглядело как попытка заручиться покровительством правительственного чиновника, а на этом фоне их собственные преступления казались бы еще тяжелее.

Пираты задержали у себя нескольких офицеров и матросов из команды капитана Макрэ и, исправив повреждения, нанесенные такелажу, отплыли в Индию. Накануне дня, когда судно должно было подойти к берегу, они увидели к востоку от себя два корабля, на первый взгляд похожие на английские, и потребовали у одного из пленников, который был у капитана Макрэ офицером, выдать им секретные сигналы, принятые между кораблями Компании. Однако, поравнявшись, они обнаружили, что это мавританские суда, которые перевозили из Маската лошадей. Они забрали капитана и купцов к себе на борт, подвергли их пыткам и обыскали корабли, чтобы обнаружить сокровища, так как считали, что те идут из Мокки. Наутро, увидев сушу, а у побережья лавирующую эскадру, пираты пришли в замешательство, не зная, как распорядиться пленными. Отпустить их означало провалить поход, потопить же людей и лошадей вместе с кораблями (к чему многие склонялись) было бы жестоко. Тогда они избрали нечто среднее: встали на якорь, сбросили за борт все паруса купцов и срубили до половины по одной из мачт на каждом судне.

Пока они стояли на якорь, весь следующий день откачивая воду, один из кораблей замеченной ими эскадры приблизился, подняв английский флаг, на что пираты выкинули красный кормовой флаг, но в переговоры вступать не стали. Ночью они оставили маскатские суда, дождавшись бриза, снялись с якоря и взяли курс на север, следуя за эскадрой. Поутру, около четырех часов, когда военные поднимали паруса, так как ветер дул с берега, пираты приблизились к ним, но не остановились, а, ведя беглый огонь из всех своих больших и малых пушек, прошли сквозь всю эскадру. Когда же рассвело, они просто оцепенели от ужаса: это оказался флот Ангрии! Теперь пираты могли думать лишь об одном: бежать или по-прежнему следовать за ним? Они сознавали, что силы их недостаточны, кроме того, на «Виктории» тогда работало четыре насоса, и она бы уже затонула, если б не ручные насосы и несколько пар подпорок, доставленных с «Кассандры», чтобы выручить «Викторию» и укрепить ее корпус. Но, наблюдая безразличие эскадры, пираты решили следовать за ней. Они сочли, что лучший способ спастись – это взять врага на испуг.

Итак, когда ветер задул с моря, они подошли с подветренной стороны примерно на пушечный выстрел, так, чтобы большие корабли эскадры были у них по носу, а остальные за кормой; последние они приняли за брандеры. Те, что были по носу, ушли от них в открытое море, обрезав канаты шлюпок и тем самым избавившись от них. Они следовали тем же курсом всю ночь и наутро обнаружили, что эскадра исчезла из виду, кроме одного кеча и немногих галиватов (род небольших судов, в чем-то похожих на средиземноморские фелуки и несущих, как и те, треугольные паруса). Они стали подходить с наветренной стороны, но, заметив это, команда кеча переправилась на борт галивата, сам же кеч подожгла; другой оказался достаточно проворен и удрал. В тот же день пираты погнались еще за одним галиватом, направлявшимся с грузом хлопка из Гого в Каликут, и захватили его. Команду судна они расспрашивали об эскадре, полагая, что те должны к ней принадлежать. И хотя пленники уверяли, что с тех пор, как покинули Гого, не видели ни корабля, ни лодки и весьма истово молили о милости, пираты сбросили весь груз галивата за борт, а их пытали, добиваясь признания, но тщетно. Видя, что команда ничего не знает, на следующий день, поскольку свежий восточный ветер изорвал паруса галивата, пираты посадили всю команду в шлюпку с одним триселем, без провизии, всего с четырьмя галлонами воды (половина была соленой) и оставили в открытом море.

Сами же пираты, бросив на произвол судьбы людей с галивата, решили отправиться на юг. На следующий день между Гоа и Карваром они услышали несколько пушечных зал-

пов. Это заставило их остановиться и выслать на разведку шлюпку, которая вернулась около двух часов ночи с известием, что на рейде стоят на якоре два граба. Пираты снялись с якоря и, пока не рассвело, поспешили к бухте. Они прибыли как раз вовремя, чтобы увидеть, как грабы встали под защиту крепости Индиа Дива, форта на рифе Ойстер, прикрывающего вход в гавань города Карвар, – то бишь вне их досягаемости. Это пришлось пиратам не по вкусу: они нуждались в воде и даже готовы были этой ночью сделать высадку и захватить остров. Но вместо этого они отправились дальше на юг и следующим на пути захватили у рейда Оннора крошечную посудину всего с одним голландцем и двумя португальцами на борту. Они послали одного из них на берег известить капитана, что если он снабдит их водой и свежей провизией, то получит свой корабль обратно. И капитан прислал своего помощника Фрэнка Хармлесса с ответом, что если пираты переправят его собственность через отмель, то он согласится на их требование. Пираты решили, что капитан ответил так с каким-то тайным умыслом, поэтому решили искать воду на Лаккадивских островах. Итак, отослав оставшихся членов команды на берег с угрозой, что капитан – последний человек, к которому они проявляют снисхождение, они направились прямо к островам и за три дня достигли их. Здесь, будучи извещены людьми с захваченных менчей, что дно между ними не держит якорей и ближайший подходящий остров – Мелинда, они послали на берег шлюпки выяснить, есть ли там вода и население. Вернувшиеся пираты порадовались, что на берегу обилие хорошей воды и много домов, брошенных мужчинами, которые с приближением кораблей бежали на соседние острова, оставив женщин и детей. Женщин пираты забрали по своему варварскому обычаю для удовлетворения похоти, а чтобы отомстить мужчинам, вырубили кокосовые деревья и подожгли несколько домов и церквей (вероятно, построенных португальцами, которые прежде останавливались здесь по пути в Индию).

Оставаясь на острове, они потеряли три или четыре якоря из-за каменистого дна и наконец вынуждены были уйти оттуда из-за сильнейшего шторма, бросив на берегу семьдесят человек, черных и белых, и большинство бочонков с водой. Десять дней спустя они вернулись к острову, погрузили воду и взяли на борт людей.

Провизии было чрезвычайно мало, и они решили посетить своих добрых друзей-голландцев в Кочине, которые, если верить разбойникам, всегда помогут «джентльменам удачи». Через три дня плавания они достигли траверза Телличери и захватили небольшое судно, принадлежавшее губернатору Адамсу. Шкипера судна Джона Тоука доставили на борт весьма пьяным, и он сообщил, что капитан Макрэ снаряжается в поход. Это повергло пиратов в ярость. Вспомнив о капитане Инглэнде, оставленном у Мадагаскара, они решили, что теперь всех шкиперов будут вздергивать на рее, – чтобы уменьшить число тех, кто решится их преследовать.

Оттуда они направились к Каликуту, на рейде которого попытались захватить большой мавританский корабль, но пушки, установленные на берегу, остановили их с одного залпа. Лэсинби, один из офицеров, служивших под началом капитана Макрэ, силой удержанный пиратами, находился под палубой, и капитан пиратов вместе с рулевым велели ему присматривать за гика-брасами, в надежде, что выстрел сразит его, прежде чем они дадут ему свободу, и допытывались, по какой причине его там до сих пор не было. Когда же он стал оправдываться, пообещали застрелить его.

На следующий день похода они поравнялись с голландским галиотом, направлявшимся в Каликут с грузом известняка. На него посадили капитана Тоука. Некоторые матросы просили высадить и Лэсинби, но тщетно, ибо, как заявили Тейлор и его сторонники, если они отпустят собаку, которая слышала их замыслы и решения, то этим расстроят тщательно обдуманные планы, особенно те, что касаются поисков поддержки у голландцев.

День спустя они прибыли к Кочину и здесь с рыбацким каноэ послали письмо на берег. После полудня, дождавшись бриза со стороны моря, они встали на якорь на рейде, отсалютовав форту одиннадцатью залпами с каждого корабля и получив в ответ то же количество – предзнаменование радушного приема, который они здесь нашли. Ночью к ним подошла большая лодка, до отказа нагруженная свежей провизией и крепкими напитками, а с ней слуга некоего влиятельного горожанина по имени Джон Трампет. Он передал, что им надлежит немедленно сниматься с якоря и плыть дальше на юг, где их снабдят всем, что необходимо, от корабельных припасов до провизии.

Прошло совсем немного времени, как к борту пристало еще несколько каноэ с черными и белыми горожанами, которые без устали оказывали пиратам всяческие услуги во время стоянки. Джон Трампет доставил им вместительную шлюпку, груженную араком, а еще шестьдесят мешков сахара – подношение, вероятно, от губернатора и его дочери. Пираты же послали ему в ответ прекрасные настольные часы (украденные на корабле капитана Макрэ), а девушке большие золотые карманные часы – в знак того, что намерены щедро рассчитаться за услугу.

Когда все привезенное было на борту, они расплатились с Трампетом полностью, хотя товаров оказалось на шесть или семь тысяч фунтов стерлингов, а после проводили его троекратным «ура» и одиннадцатью пушечными залпами с каждого корабля и вдобавок пригоршнями бросали ему в шлюпку дукаты.

Ночью ветер был слабый, и с якоря сниматься не стали, и наутро Трампет разбудил их, доставив новую партию арака и ящики с тканями и готовым платьем. Также он прихватил с собой местного сборщика податей. В полдень, когда эти двое были еще на борту, пираты заметили на юге парус и, снявшись с якоря, пустились в погоню. Но тот был на выгодном для себя удалении от берега, поэтому успел пройти севернее и бросил якорь вблизи форта Кочин. Трампет и сборщик податей утверждали, что даже под самой крепостью можно будет взять пришельца на абордаж. Но когда пираты подошли на один или два кабельтова и были близко от берега, в форте выпалили из двух маленьких пушек. Ядра упали рядом с носом корабля, и они немедленно убрались с рейда, направились к югу и ночью бросили якорь на прежнем месте, где Джон Трампет, предлагая им еще немного задержаться, сообщил, что через несколько дней мимо должен пройти очень богатый корабль, которым командует брат генерал-губернатора Бомбея.

Этот губернатор – воплощение иностранной власти. Какие же унижения терпят подданные под началом правителя, который способен опуститься до такой низости, как сношения и торговля с пиратами ради обогащения! Такой человек не остановится перед несправедливостью, чтобы сколотить состояние. У него под рукой всегда есть сильный довод, и стоит ему захотеть, как он убедит вас, что обман и притеснение – это и есть закон.

Кое-кто из пиратов были за то, чтобы отправиться от Кочина прямо к Мадагаскару. Другие считали, что было бы вернее курсировать, пока не удастся захватить судно, груженное припасами, и таких было большинство. Поэтому они повернули к югу и через несколько дней увидели у берега корабль. Но поскольку он стоял с наветренной стороны, они не могли подойти близко, пока ветер дул с моря, – ночью же при благоприятном ветре они разделились, направившись один к северу, другой к югу, задумав запереть корабль с двух сторон. Но, к своему удивлению, с наступлением дня обнаружили совсем рядом паруса пяти больших кораблей, которые, дав пиратам сигнал приблизиться, повергли их в крайнее замешательство – особенно тех, что были на корабле Тейлора, ведь второй корабль находился поодаль, по меньшей мере в трех лигах к югу. Они устремились друг к другу и объединились, а затем во весь дух помчались прочь от эскадры, которой, как они решили, командовал капитан Макрэ, ведь решительность этого человека была им хорошо известна.

Погоня длилась три часа, и поскольку эскадра не настигла их, помрачневшие лица пиратов вновь прояснились, тем более что весь остаток дня стоял штиль. Ночью, дождав-шись ветра с берега, пираты устремились в открытое море и наутро, к своему великому облегчению, обнаружили, что эскадра пропала из виду.

Избежав этой опасности, они вознамерились провести Рождество 1720 года в попойках и беззаботности и три дня придерживались этого решения самым распутным и разгульным образом, не только поедая, но транжиря запасы свежей провизии столь гнусно и неосмотрительно, что, сговорившись затем направиться к Маврикию, они во время перехода сидели на пайке в одну бутылку воды на человека и двух фунтов говядины с горсткой риса на десять человек в день. Если бы не течь в корабле (который они однажды чуть не покинули, и посту-пили бы так, не будь у него на борту некоторого количества арака и сахара), большинство из них погибло бы.

В таком состоянии около середины февраля они прибыли на остров Маврикий, зала-тали обшивку, подремонтировали «Викторию» и 5 апреля отплыли вновь, оставив на одной из скал такую надпись: «Покинули это место 5 апреля, чтобы идти на Мадагаскар за лай-мами». Это, по меньшей мере, означало (как то принято у юристов и деловых людей), что любое посещение этого места в их отсутствие должно быть оплачено. Однако поплыли они не прямо на Мадагаскар, а на Маскаренские острова, и весьма удачно для разбойников: 8 апреля они обнаружили стоявший на якоре португальский корабль с семнадцатью пуш-ками, большая часть которых была сброшена за борт, мачты судна потеряны, а само оно искалечено жестоким штормом. Так что корабль стал добычей пиратов после ничтожного сопротивления – добычей действительно великолепной, ведь в руки к ним попал Конде де Эрисейра, вице-король Гоа, который пустился в бесплодный поход против Ангрия, индийца, а еще на борту оказались другие пассажиры. Последние утверждали, что одних только брил-лиантов здесь было на сумму от трех до четырех миллионов долларов.

Вице-король, который в то утро взшел на борт в надежде, что это английские корабли, был взят в плен и принужден платить выкуп. Но, приняв во внимание понесенные им убытки (приз отчасти был его собственностью), пираты после некоторых колебаний согласились принять две тысячи долларов и высадили его и прочих пленников на берег, пообещав оста-вить им корабль, на котором они смогли бы выбраться отсюда, ведь остров, как счита-лось, был не в состоянии прокормить столь большое число людей. От них пираты узнали, что с подветренной стороны от острова находится остендер (ранее – галера «Грэйхаунд» из Лондона), и захватили его, но данное пленникам обещание не исполнили, а послали тот остендер с частью своих людей на Мадагаскар, чтобы те разнесли весть об их успехе и заго-товили мачты для приза. Некоторое время спустя пираты последовали за ними, не вспоми-ная о страдальцах, которые везли с собой на португальском корабле двести мозамбикских негров.

Со времени открытия Мадагаскара португальцами в 1506 году европейцы, и в особен-ности пираты, умножили здесь расу темных мулатов, хотя пока еще в сравнении с туземцами малочисленную.

Придя на Мадагаскар, пираты почистили «Кассандру» и разделили награбленное, получив по сорок два мелких бриллианта на человека либо крупнее, но меньше, соответ-ственно их величине. Один невежда – или же весельчак, – который получил лишь один круп-ный бриллиант, ибо по ценности он был приравнен к сорока двум маленьким, долго роптал на судьбу, а потом разбил его в ступке и заявил, что его доля лучше, чем у любого другого, поскольку он разбил камень, как уверял, на сорок три осколка.

Те, кто не склонен был подвергать риску свою шею, имея в карманах, помимо про-чих сокровищ, бриллианты, покончили с разбоем и остались у старых знакомых на Мадага-скаре: согласно соглашению, старожилы принимали всех. Поскольку у оставшихся теперь

не было причин иметь два корабля, а «Виктория» протекала, ее сожгли. Желавшие перешли на «Кассандру» под командование Тейлора, который разрабатывал план, идти в Кочин, чтобы отделаться от бриллиантов с помощью своих старых друзей-голландцев, либо в Красное или даже Китайское море, чтобы избежать военных кораблей, чье присутствие поблизости словно посылало неотступный сигнал тревоги.

Будучи в июне на мысе Доброй Надежды, коммодор получил письмо, оставленное ему губернатором Мадраса, которому писал губернатор Пондишерри – французской фактории на Коромандельском берегу. Во время написания этого письма, говорилось в нем, пираты в индийских морях были весьма сильны, но нынче одни из них ушли к берегам Бразилии и Гвинеи; другие укрепились на Мадагаскаре, Маврикии, Иоганне и Мохилле; что пираты на судне под названием «Дракон» захватили под Кондемом богатый мавританский корабль, шедший из Индии в МОКу, а поделив награбленное, сожгли свой корабль и приз и спокойно осели среди друзей на Мадагаскаре.

Коммодор Мэтьюз, получив это известие, поспешил к островам как к местам, обещавшим наибольшую надежду на успех: на остров Св. Марии можно было завлечь Инглэнда, обещая покровительство, если бы он сообщил все, что знал о «Кассандре» и остальных пиратах, и помог вести судно. Но Инглэнд был осторожен и полагал, что это означало бы сдаться на милость победителя, так что они подняли на борт пушки с сожженного корабля «Джадда», после чего военные корабли рассеялись по разным плаваниям и походам. Тогда эскадра пошла к Бомбею, где обменялась с фортом приветственным салютом, и вернулась домой.

Пираты, которые были на «Кассандре» и капитаном которых стал Тейлор, оснастили португальский военный корабль и, невзирая на богатства, которые уже накопили, решились на еще один поход в Индию. Готовясь к отплытию, они услышали о четырех военных кораблях, которые идут за ними туда же, поэтому изменили свои планы, отправились к Африканскому материку и остановились в маленькой бухте Делагоа. Они считали это место безопасным, учитывая, что эскадра не могла получить о них никаких сведений. Пираты пришли туда на закате и были ошарашены выстрелами с берега, поскольку не знали ни о каких укреплениях либо европейских поселениях в этой части света. Ночью они бросили якорь в отдалении от берега, а наутро, увидев маленький форт с шестью пушками, разгромили его.

Форт был построен и заселен Голландской Ост-Индской компанией⁸ за несколько месяцев до этого происшествия. В форте было полтора человека, позже число поселенцев сократилось на треть, и ни разу за все то время они не получали никакого подкрепления. Поэтому неудивительно, что шестнадцать человек из тех, что там находились, были приняты на борт к пиратам.

Здесь они оставались около четырех месяцев, занимаясь кренгованием обоих кораблей, пока не истребили всю провизию, а затем вышли в море. В оплату полугодовалым голландцам они оставили немало муслина, ситца и тому подобного добра. В дальнейшем это позволило оставшимся обитателям форта совершить выгодную сделку со следующими пришельцами в эти забытые Богом места.

Пираты покинули Делагоа в конце декабря 1722 года и, не придумав, куда плыть, решили разделить: те, кто желал продолжения такого образа жизни, взошли на борт португальского приза и взяли курс на Мадагаскар, к своим друзьям, а остальные отплыли на «Кассандре» в испанскую Вест-Индию.

⁸ Голландская Ост-Индская компания – акционерная торговая компания, основанная в 1602 г. и просуществовавшая до 1798 г. Обладала монополией на мореплавание, строительство факторий и торговлю в пределах Индийского и Тихого океанов.

Военный корабль «Русалка» был тогда в охране торгового каравана неподалеку от материка, лигах в тридцати от пиратов, и мог бы напасть на них, но на совещании с хозяевами кораблей и груза было решено, что охрана каравана важнее, чем уничтожение пиратов, и командер был вынужден воздержаться от рейда. Однако он послал на Ямайку шлюп с донесением, опоздавший в Ланстон всего на день или два: пираты как раз перед его приходом сдались со всеми своими богатствами губернатору Порто-Белло.

Здесь они, разделив награбленное, осели, чтобы тратить плоды своего бесчестного промысла, убавляя свою совесть тем, что другие, имея они такую возможность, делали бы то же самое.

Непросто совершить подсчет злодейств, совершенных этой командой за пять лет. Они не только грабили, они топили и сжигали захваченные суда, если это отвечало их настроению или обстоятельствам, – иногда чтобы не допустить передачи сведений, иногда потому, что на кораблях не оставалось достаточно людей, чтобы управлять ими, а иногда просто из-за того, что были недовольны поведением шкипера.

После сдачи испанцам некоторые пираты покинули те места и рассеялись по миру. Восьмеро из них, выдав себя за потерпевших кораблекрушение, нанялись на один из шлюпов, перевозящих черных рабов для Компании Южных морей⁹, на нем добрались до Ямайки, а оттуда уплыли на других судах. Говорят, что сам капитан Тейлор приобрел испанский офицерский патент и командовал военным кораблем, который напал на английские тендеры с сандаловым деревом в Гондурасском заливе.

⁹ Английская акционерная торговая компания, действовавшая в колониях на побережье Атлантического океана и специализировавшаяся на перевозке рабов из Африки в Новый Свет.

Глава VI

Капитан Чарлз Вейн и его команда

Чарлз Вейн был одним из тех, кто завладел серебром, поднятым испанцами с затонувших во Флоридском заливе галеонов. Речь идет об испанском Серебряном флоте, вышедшем из Порто-Белло с грузом серебра и затонувшем во время урагана у юго-восточного побережья Флориды в июле 1715 года. Поскольку галеоны затонули на мелководье, спасательная экспедиция, снаряженная губернатором Гаваны, сумела поднять на поверхность большую часть груза. Английский пират Генри Дженнингс, собрав флотилию из трех кораблей, в 1716 году напал на караван со спасенным серебром и захватил сокровища на сумму около трехсот пятидесяти тысяч песо. В каком качестве Вейн принимал участие в этом рейде – капитана или рядового пирата, – не установлено. Однако упоминание об этом «джентльмене удачи» следует вести именно отсюда.

Вейн появился на Провиденсе, когда губернатор Роджерс прибыл туда с двумя военными кораблями.

Все пираты, которых он застал в этом гнезде негодяев, покорились и получили свидетельства о помиловании – кроме капитана Вейна с его шайкой, которые, завидев входящие военные корабли, обрубали якоря, предали огню приз, бывший у них в гавани, и отплыли с поднятыми пиратскими флагами, обстреляв при отходе один из военных кораблей.

Через два дня они встретили шлюп, принадлежавший Барбадосу, который захватили и оставили для себя, направив на борт команду в двадцать пять человек под началом Йитса. День-два спустя они натолкнулись на контрабандистское суденышко под названием «Джон и Элизабет», направлявшееся на Провиденс с большим количеством испанских песо на борту, которое тоже захватили. С этими двумя шлюпами Вейн направился к маленькому островку, и там, поделив добычу, пираты какое-то время развлекались.

В самом конце мая 1718 года они пустились в плавание и, поскольку нуждались в провизии, пошли, лавируя, к Наветренным островам, где повстречались с испанским шлюпом, направлявшимся из Порто-Рико в Гавану, который они подожгли, а испанцев погрузили в шлюпку и предоставили им добираться до острова при свете их собственного горящего судна. Когда они легли на курс между Сент-Кристофером и Ангуильей, то наткнулись на бригантину и шлюп. Они забрали провизию, годную для похода, а суда милостиво отпустили.

Какое-то время спустя, взяв к северу, на пути, каким следуют корабли Старой Англии, идущие к американским колониям, они захватили несколько кораблей и судов, с которых унесли все, что сочли подходящим, и отпустили их.

В конце августа Вейн со своим напарником Йитсом, будучи мористее Южной Каролины, захватили корабль, приписанный к Ипсвичу, под командованием мистера Коггерсхолла, груженный кампешевым деревом, который, как им показалось, может пригодиться. Очистив корабль более чем наполовину, пираты вдруг передумали – Коггерсхолл получил его обратно, и ему позволили продолжить путь домой. В том плаваньи разбойники захватили еще несколько кораблей и судов, среди которых были шлюп с Барбадоса шкипера Дилла, суденышко с Антигуа шкипера Кока, шлюп, принадлежавший Кюрасао, шкипера Ричардса и большая бригантина капитана Томпсона, шедшая из Гвинеи. Пираты ограбили их все.

Капитан Вейн вел себя весьма неуважительно, демонстрируя свое превосходство над Йитсом и его маленькой командой, рассматривая его судно как своего посыльного, и это было сообщникам крайне неприятно, ведь они полагали себя столь же хорошими пиратами и столь же великими негодяями. Поэтому они сговорились и решили при первой же возможности покинуть эту компанию и принять помилование Его Величества или действовать самостоятельно, полагая, что и то и другое более почетно, чем быть в услужении у Вейна.

День-два спустя, когда пираты стояли на якоре, Йитс в сумерках вытравил якорный канат и, подняв паруса на своем судне, взял курс на берег. Капитана Вейна это вывело из себя, и он поднял паруса на своем шлюпе, преследуя напарника, который, как стало ясно, более не хотел иметь с ним дел. Бригантина Вейна имела лучший ход, он пытался заставить Йитса выброситься на берег, и, безусловно, нагнал бы его, будь расстояние немного больше. Но Йитс успел обогнуть отмель, когда Вейн подошел к нему на пушечный выстрел, и дал бортовой залп по своему старому приятелю (залп, правда, не нанес тому ущерба), и таким образом они распрощались.

Йитс вошел в реку Норт-Эдисто лигах в десяти южнее Чарлзтауна и послал гонца к губернатору, чтобы узнать, смогут ли он и его товарищи воспользоваться помилованием Его Величества, если сдадутся на его милость со шлюпом и грузом. Всем им были выданы свидетельства.

Вейн какое-то время курсировал в море вдоль отмели в надежде изловить Йитса. Однако, к несчастью, он захватил два корабля из Чарлзтауна, направлявшихся домой в Англию. Именно тогда были снаряжены два хорошо укомплектованных и вооруженных шлюпа для погони за одним пиратским судном, которое, как известил губернатор Южной Каролины, стало на чистку в реке у мыса Фиар (мы уже знаем, что это было судно капитана Боннета). Полковник Рет, который командовал шлюпами, встретился с одним из ограбленных Вейном кораблей, который возвращался за отмель возобновить припасы. С того корабля полковнику сообщили, что они были захвачены пиратом Вейном, а также то, что пираты намеревались сделать привал в одной из лежащих на юге рек. Рет повернул к югу за Вейном, но тот, как оказалось, приказал распустить подобные слухи, чтобы направить погоню по ложному следу. В действительности же он взял курс на север, так что преследователи поплыли в противоположную сторону.

Решение Рета было самым неудачным из всего, что могло случиться: правильный путь, по всей вероятности, привел бы его к Вейну, а также к пиратскому кораблю, за которым тот направился, – и полковник мог бы уничтожить обоих. После нескольких дней безуспешных поисков по рекам и бухтам Рет вернулся к своему первоначальному плану и все-таки встретил пиратский корабль, который разбил и захватил, как уже упоминалось в истории майора Боннета.

Капитан Вейн пошел к северу, в бухту, где встретился с капитаном Тичем, которого приветствовал залпом заряженных ядрами больших пушек (это в обычае у пиратов, когда они встречаются), которые палили вдаль или в воздух. Черная Борода ответил на салют, и взаимный обмен любезностями продолжался несколько дней. Когда же начался октябрь, Вейн распрощался и отплыл дальше на север.

Двадцать третьего октября мористее острова Лонг-Айленд он захватил бригантину, шедшую с Ямайки в Салем (Новая Англия), шкипера Джона Шеттока, и маленький шлюп. Обчистив бригантину, они ее отпустили. Они курсировали между мысами Майси и Николас в Наветренном проливе между Кубой и Гаити, не встречаясь ни с одним судном до конца ноября. Затем они напали на корабль, ожидая, что тот сдастся, как только они поднимут черный флаг. Но корабль дал по пиратам бортовой залп и поднял флаг, по которому стало ясно, что это французский военный корабль. Вейн предпочел не иметь с ним дела, привел паруса к ветру и направился прочь, но «француз», желая с ним познакомиться поближе, поднял все паруса и погнался следом. Пока продолжалась погоня, пираты спорили, как поступить. Вейн, капитан, считал, что надо убираться как можно скорее, утверждая, что этот военный корабль слишком силен и справиться с ним не удастся. Но некий Джон Рэкхэм, офицер, имевший нечто вроде права контроля над капитаном, убеждал, что, хотя у «француза» больше пушек, они могли бы взять его на abordаж, и пусть победит сильнейший. Рэкхэма поддерживало большинство команды, однако Вейн настаивал, что это необдуманное и даже отча-

янное предприятие: военный корабль вдвое превосходит их по силе. Помощник капитана, некто Роберт Дил, и с ним еще около пятнадцати человек были солидарны с Вейном, все же прочие присоединились к старшине-рулевому Рэкхэму. В конце концов, чтобы разрешить спор, капитан применил свою власть, и бригантина убралась от греха подальше.

Уже на следующий день капитан Вейн подвергся испытанию голосованием, и решение было вынесено против его чести и достоинства: он был заклеен как трус, отстранен от командования и исключен из команды. С ним ушли все те, кто не голосовал за abordаж французского военного корабля. Пираты отдали изгнанникам шлюп, захваченный незадолго до голосования, а чтобы они были в состоянии обеспечить себя, позволили взять достаточное количество провизии и оружия. Джон Рэкхэм был избран капитаном бригантины и направился к Карибским островам.

Шлюп поплыл к Гондурасскому заливу, и по пути Вейн с командой привели его в наилучшее состояние, какое только было возможно, чтобы продолжить старое ремесло. Они плыли от северо-западного берега Ямайки дня два-три, захватили шлюп и два питиагра, и все люди с тех судов перешли к ним. Шлюп они сохранили, и Роберт Дил стал на нем капитаном.

Шестнадцатого декабря эти два шлюпа пришли в залив, где нашли лишь одно стоявшее на якоре судно – «Жемчужину» с Ямайки шкипера Чарлза Роулинга, которое при виде их подняло паруса. Пиратские шлюпы близко подошли к Роулингу, но флагов не поднимали. Когда же он дал по ним два залпа, они подняли черный флаг и сделали по «Жемчужине» по три залпа каждый. Судно сдалось, и пираты отбуксировали его к островку Барнако, где остановились для чистки и ремонта. По пути они встретили шлюп с Ямайки под командованием капитана Уоллдена, шедший в залив, который тоже захватили.

В феврале Вейн отчалил с Барнако, намереваясь совершить поход; но не прошло и нескольких дней, как он завершился: флотилию настиг мощный тайфун, который разлучил Вейна с напарником и после двух дней мучений выбросил шлюп на маленький необитаемый остров недалеко от Гондурасского залива, где тот разбился вдребезги и большинство людей утонуло. Вейн спасся, но нуждался в припасах, не имея возможности выловить хоть что-то среди обломков, и силы его поддерживали главным образом рыбаки и охотники на черепаха, которые приходили сюда на крошечных суденышках.

Вейн прожил так несколько недель, когда к острову пристал за водой корабль с Ямайки, капитан которого, некий Холфорд, старый буканьер¹⁰, оказался знакомым Вейна. Тот подумал, что это хороший случай выбраться отсюда, и обратился к старому приятелю с просьбой. Но тот решительным образом ему отказал.

Вейн убеждал его, как мог, но, должно быть, капитан Холфорд был слишком хорошо с ним знаком, чтобы хоть сколько-нибудь полагаться на эти слова и клятвы, и сказал Вейну, что тот мог бы легко найти способ выбраться, если бы захотел.

После того как капитан Холфорд отчалил, еще один корабль пристал к острову за водой. Никто из команды не знал Вейна, и он, выдав себя за другого, нанялся на этот корабль. Казалось, теперь он был в полной безопасности и, похоже, избежал судьбы, какой заслуживал за свои преступления. Но тут произошла случайность, которая все испортила. Холфорд, возвращаясь из залива, встретился с тем кораблем, и, поскольку капитаны оказались знакомы, был приглашен отобедать на его борту. Когда он проходил в каюту, ему случилось бросить взгляд в трюм и там он увидел Чарлза Вейна.

¹⁰ Вначале буканьерами называли охотников на свиней, нелегально промышлявших на острове Гаити. При этом многие буканьеры действительно занимались каперством, а то и прямым пиратством. После 1684 г., когда на английском языке под названием «Буканьеры Америки» был издан перевод знаменитой книги А. Эксквемелина о карибских пиратах, слово «буканьер» стало в Англии общепринятым синонимом слова «пират».

Капитан согласился передать Вейна в руки правосудия, и Холфорд, вернувшись к себе на корабль, послал за ним своего помощника при оружии. Вейн безропотно позволил доставить себя на борт и заковать. На Ямайке он был судим, признан виновным и казнен – как незадолго до того сообщник Вейна Роберт Дил, доставленный туда одним из военных кораблей.

Глава VII

Капитан Джон Рэкхэм и его команда

Джон Рэкхэм был старшиной-рулевым в команде Вейна, пока она не разделилась и Вейн не был низложен. Тогда-то Рэкхэма и избрали капитаном той части команды, что осталась на бригантине. Первым днем его капитанства стало 24 ноября 1718 года, и в первом же походе (между Карибскими островами) он захватил и разграбил несколько судов.

Когда капитан Вудс Роджерс прибыл к острову Провиденс, привезя королевское прощение тем из пиратов, кто сдастся добровольно, бригантина, которой ныне командовал Рэкхэм, пренебрегая этой милостью, ускользнула через другой пролив.

С наветренной стороны от Ямайки пиратам подвернулся корабль с Мадейры, который они удерживали три дня, вымогая выкуп, а после вернули шкиперу, и даже позволили некоему Осии Тисделлу, содержателю таверны на Ямайке, плененному ими на одном из захваченных призов, отбыть на том корабле.

После этого похода они пристали к маленькому островку, чтобы почистить корабль, и провели Рождество на берегу, пируя и пьянствуя, пока оставалось спиртное. Затем они вновь вышли в море, чтобы добыть еще, в чем преуспели сверх меры, хотя и не захватывали сколько-нибудь выдающегося приза два с лишком месяца, если не принимать во внимание корабля, нагруженного ворами из Ньюгейта, направлявшегося на плантации, который через несколько дней со всем своим грузом был взят обратно английским военным кораблем.

Рэкхэм вышел в открытое море, направляясь к Бермудским островам, и захватил корабль, следовавший из Каролины в Англию, а также маленький пинк из Новой Англии, и доставил оба эти приза на Багамские острова. Здесь пираты почистили, отремонтировали и снарядили свое судно. Но поскольку они слишком долго пробыли в тех краях, капитан Роджерс, губернатор Провиденса, прослышав о захвате судов, выслал хорошо вооруженный шлюп, который отбил оба приза. Пиратам же опять посчастливилось ускользнуть.

С островов этих они отправились в глухую местность на Кубе, где у Рэкхэма было некое подобие семьи, и прозябали на берегу со своими Далилами достаточно долго, пока не закончились деньги и провизия, а после рассудили, что настала пора действовать. Они вернулись на судно и начали готовить его к выходу в море, когда явилась Гуарда-дель-Коста, сиречь береговая охрана, ведя небольшой английский шлюп, который захватила близ побережья как контрабандное судно. Рэкхэм укрылся между берегом и маленьким островком. Патрульный корабль атаковал пиратов, но мог выполнять лишь ограниченные маневры, поэтому вечером испанцы взялись верповать свой корабль в канал, чтобы наутро действовать наверняка. Рэкхэм, находя свое положение безнадежным и не видя возможности убежать, решил на хитрость. Английский приз в целях безопасности стоял близко к суше, между островком и побережьем Кубы. Рэкхэм посадил в шлюпку свою шайку, снаряженную пистолями и абордажными саблями, обогнул островок и глухой ночью напал на него. Береговая охрана ничего не заметила: Рэкхэм приказал всем, бывшим на борту приза, молчать под угрозой смерти, и завладел кораблем. Далее он обрезал якорь и вышел в море. На испанском военном корабле были так заняты предвкушением добычи, что не думали больше ни о чем. Как только занялся день, они обрушили огонь на пустой шлюп, но быстро поняли, что их обвели вокруг пальца: вырвали лакомую добычу, не оставив взамен ничего, кроме старой, пробитой ядрами развалюхи.

Рэкхэм с командой, напротив, был доволен обменом, который позволил продлить на какое-то время образ жизни, к которому они привыкли. В августе 1720 года они снова рыскали по гаваням и бухтам севера и запада Ямайки, захватывая мелкие суденышки, — пусть и невелика добыча, но в шайке тогда было всего несколько человек.

В начале сентября они захватили у острова Харбор семь или восемь рыбацких лодок и отняли у них сети, а оттуда отправились к французской части Эспаньолы, высадились там и угнали скотину, а заодно прихватили двух французов, которых встретили на берегу, куда те отправились поохотиться на диких свиней. После того они разграбили два шлюпа и вернулись на Ямайку.

Далее пираты двинулись вдоль береговой линии к западу, чтобы не приближаться к столицам острова – Кингстону и Порт-Роялу, расположенным на юго-восточном берегу, и захватили шхуну, шкипером которой был Томас Спенлоу. 20 октября Рэкхэм увидел в заливе Сухая Гавань шлюп и произвел залп. Все бывшие на шлюпе бежали на берег, и он захватил шлюп вместе с грузом. Когда на берегу поняли, что это пираты, то дали понять, что желают подняться к ним на борт.

Это плавание вдоль побережья острова оказалось для Рэкхэма роковым: о его походе уведомили губернатора, который отдал приказ снарядить шлюп под командой капитана Барнета и отправить вокруг острова навстречу пирату. Рэкхэм, огибая остров и приблизившись к западной его оконечности, мысу Негрил, заметил питиагр, команда которого при виде шлюпа изменила курс и высадилась на берег. Один из них окликнул пиратов. Те ответили, что они англичане и приглашают людей с питиагра к себе на борт распить чашу пунша. Приглашение было принято, и все девять человек в недобрый для себя час взошли на борт пиратского судна. Не успели они сложить оружие и взяться за трубки, как показался шлюп Барнета, который охотился за Рэкхэмом.

Пираты, обнаружив, что он направляется напрямик к ним, снялись с якоря, который только бросили, и отплыли. Капитан Барнет погнался за ними, после короткой стычки захватил их и доставил в Порт-Роял на Ямайке.

Недели через две после того, как пленные были доставлены на берег, 16 ноября 1720 года, в Сантьяго-де-ла-Вега был созван суд Адмиралтейства, и его председатель сэр Николас Лоус вынес смертный приговор следующим «джентльменам удачи»: Джон Рэкхэм, капитан; Джон Фезерстон, штурман; Ричард Корнер, старшина-рулевой; Джон Дэвис, Джон Хауэлл, Патрик Кэрти, Томас Эрл, Джеймс Доббин и Ной Харвуд. Первые пятеро были казнены на следующий день на мысе Гэллоуз у города Порт-Роял, остальные – днем позже в Кингстоне; тела Рэкхэма, Фезерстона и Корнера были сняты и вновь подвешены на цепях: один на Свинцовом мысе, другой на Кустарниковом рифе, третий на Пушечном рифе.

Но что удивительно, так это осуждение девяти человек, которые взошли на борт шлюпа в тот день, когда он был захвачен. Их судили после отсрочки заседания суда, 24 января, – все это время, как можно предположить, велся поиск доказательств того, что они поднялись на борт с пиратскими намерениями. В итоге суду хватило собственного мнения и бедных малых, ни в чем, по сути, не виноватых, также назвали отъявленными пиратами. Всем им вынесли смертный приговор.

Семнадцатого февраля Джон Итон, Томас Квик и Томас Бейкер были казнены на мысе Гэллоуз у Порт-Рояла, а на следующий день Джон Коул, Джон Говард и Бенджамен Палмер были казнены в Кингстоне. Судьба оставшихся трех известна только Провидению.

Суд рассматривал также виновность двух женщин-пиратов, принадлежавших к шайке Рэкхэма. Сейчас подошло время рассказать и о них.

Жизнь Мэри Рид

Мэри Рид родилась в Англии. Мать ее была женщиной хотя и не ветреной, но не без греха. Муж ушел в море, оставив ее на сносях, родился мальчик. О супруге не было ни слуху ни духу, и она отдала свое сердце другому. Вот так и родилась Мэри. Однако этот другой исчез, и женщине пришла в голову мысль вернуться к зажиточной родне мужа. Све-

кровь ждала, что невестка приедет с сыном, но он к этому времени уже умер, и матери Мэри не оставалось ничего, как одеть дочь мальчиком, привезти в город и представить све-крови как ее внука. Старуха хотела было взять малыша на воспитание, но мать сделала вид, что если она расстанется с ним, то это разобьет ее сердце. Было решено, что ребенок будет жить с матерью, а мнимая бабушка станет выплачивать по кроне в неделю на его содержание.

Таким образом, мать воспитывала дочь как мальчика, но когда та в определенном смысле выросла, решила, что пора посвятить Мэри в тайну ее рождения, чтобы объяснить, зачем девочке скрывать свой истинный пол. Случилось так, что бабушка умерла и поддержка с ее стороны прекратилась. Они обеднели, и мать вынуждена была отдать дочь в услужение французской даме в качестве пажа. Девочке тогда было тринадцать. Здесь Мэри прожила недолго: она выросла дерзкой и сильной и, имея склонность к бродяжничеству, вскоре поступила на военный корабль, где прослужила какое-то время, а затем покинула его, перешла к фландрийцам и вступила кадетом в пехотный полк. Во время боевых действий Мэри вела себя очень храбро, но все же не могла получить офицерского чина: почти все они покупались и продавались. Поэтому она оставила службу в пехоте и перешла в кавалерийский полк, где так хорошо проявила себя в нескольких схватках, что снискала уважение всех офицеров. Но ее товарищ, фламандец, оказался красивым парнем, и она влюбилась. Теперь долг был забыт, оружие и экипировка оставались в небрежении, кроме тех дней, когда Мэри сопровождала любимого в дозоре. Остальные кавалеристы, подозревая тайную причину, побуждавшую ее к такому поведению, вообразили, что она сошла с ума, а сам ее товарищ не мог объяснить сей странной перемены. Но любовь изобретательна, и Мэри нашла способ дать ему обнаружить ее истинный пол, не подавая виду, что это было сделано намеренно. Кроме того, у нее хватило ума сделать так, что ее товарищ отказался от мысли сделать ее своей любовницей, – теперь он добивался ее в жены.

Это было величайшим желанием Мэри. Они обменялись обещаниями, а когда кампания закончилась и полк отправился на зимние квартиры, купили для нее женское платье и в открытую поженились.

Разговоры о двух кавалеристах, вступивших в брак, наделали много шума: некоторых офицеров любопытство побудило принять участие в церемонии, и они сговорились, что каждый сделает невесте небольшой подарок для обзаведения домашним хозяйством из уважения к тому, что она была их товарищем-солдатом. Пара оказалась обеспеченной практически всем и пожелала уйти со службы. Невероятная история их любви и брака тронула многие сердца, они легко получили отставку и тут же открыли харчевню, где подавались дежурные блюда. Харчевня называлась «Три подковы» и стояла подле замка Бреда. Их дело быстро пошло на лад, ведь многие офицеры начали постоянно у них обедать.

Но счастье продолжалось недолго – муж Мэри скоро умер. К тому же был подписан Рисвикский мир, офицеры не посещали Бреду, как было раньше, поэтому вдова вынуждена была закрыть заведение. Деньги подходили к концу, поэтому Мэри вновь облачилась в мужское платье и, приехав в Голландию, поступила в пехотный полк, расквартированный в одном из приграничных городов. Но и здесь Мэри надолго не осталась, ведь в мирное время продвижение по службе практически невозможно. Вот она и решила искать счастья другим путем – уволилась из полка и села на судно, направлявшееся в Вест-Индию.

Корабль был захвачен английскими пиратами, а поскольку Мэри Рид была единственной на борту английской подданной, они оставили ее у себя, судно же, разграбив,пустили. После того они еще какое-то время разбойничали, пока не вышел королевский указ, который оглашен был во всех уголках Вест-Индии: Корона миловала пиратов, которые добровольно сдадутся к определенному дню. Команда воспользовалась указом и, сдавшись, спокойно жила на берегу; но, ощутив стеснение в средствах и прослышав, что капитан Вудс

Роджерс, губернатор острова Провиденс, снаряжает приватиров в поход против испанцев, они сели на корабль и отправились на Провиденс попытать приватирского счастья.

Не успели, однако, приватиры снарядиться, как некоторые помилованные матросы взбунтовались против командиров и обратились к старому ремеслу. В их числе была и Мэри Рид. Правда, она часто заявляла, что всегда питала отвращение к пиратской жизни, вела ее лишь по принуждению и намерена была оставить ее при первом же удобном случае.

Однако некоторые из тех, кто свидетельствовал против нее на суде, показали под присягой, что в бою не было никого решительнее ее и Красотки Энн, а особенно в том бою, когда их атаквали и захватили. Когда корабли оказались рядом, никто, кроме Мэри Рид, Красотки Энн и еще одного пирата, не остался оборонять палубу. Мэри призвала тех, кто был под палубой, выходить и драться, как подобает мужчинам, а увидев, что те даже не пошевелились, разрядила свое оружие в трюм, в самую толпу, одного пирата убив, а других ранив.

Эту часть свидетельств Мэри отрицала. Несомненно одно: она не искала славы храбреца и оставалась удивительно скромной – в соответствии с собственными представлениями о добродетели. Ее истинный пол едва ли был известен кому-то на борту, пока Красотка Энн, которая отнюдь не была монахиней, не прониклась к ней особой симпатией. Проще говоря, Красотка Энн приняла Мэри Рид за пригожего юношу и открылась ей. Мэри вынуждена была открыться в ответ и, к великому разочарованию Красотки Энн, дала понять, что она тоже женщина. Их сближение, однако, чрезвычайно встревожило капитана Рэхэма, любовника и кавалера Красотки Энн. Чтобы успокоить, та и его посвятила в тайну.

Капитан Рэхэм (поскольку был связан обещанием) хранил тайну от команды корабля, однако, несмотря на сдержанность Мэри, любовь отыскала ее и в мужском обличье, не позволив забыть свой истинный пол. В том походе они захватили множество судов, принадлежавших Ямайке и другим краям Вест-Индии, направлявшихся в Англию или из Англии, а обычно если пиратам попадался искусный мастер, который мог так или иначе принести пользу команде, то его удерживали силой. Среди таких искусников был юноша, весьма привлекательный и обходительный, во всяком случае, в глазах Мэри Рид, которая была настолько поражена его внешностью и обращением, что не могла найти покой ни днем, ни ночью. Нет ничего изобретательнее любви – и для нее, уже искушенной в подобных уловках, не составило большого труда обнаружить перед ним свой истинный пол. Правда, вначале Мэри завоевала его доверие, высказываясь против пиратской жизни, к которой юноша питал отвращение, – так они стали сотрапезниками и близкими приятелями. Когда же между ними сложились крепкие дружеские отношения, позволила молодому человеку совершить открытие, показав, что она женщина. Пока Мэри скрывалась под вымышленной личиной, он питал к ней почтение, теперь же она превратилась в объект его обожания и желания. Мэри ответила на его чувства и даже билась на дуэли, защищая его честь.

Когда пришло время предстать перед судом, Мэри Рид относительно молодого человека сказала, что он честнейший человек и не имел склонности к пиратским деяниям и что оба они решили при первой же возможности покинуть пиратов и начать зарабатывать на жизнь честным трудом.

Без сомнения, многие сочувствовали Мэри, однако суд не мог признать ее невиновной. Один из свидетельствовавших против нее показал, что случайно вступил в разговор с Мэри Рид, которую, приняв за молодого человека, спросил, что за удовольствие она находит в таких предприятиях, где жизнь непрестанно под угрозой огня или меча, более того, она умрет позорной смертью, если будет взята живьем. Мэри отвечала, что не считает повешение ужасным наказанием, ибо, если бы не виселица, любой трус мог бы податься в пираты и море так засорилось бы паразитами, что храбрецам пришлось бы голодать. Что если бы пиратам предоставили выбор, они не приняли бы наказания меньшего, чем смерть, страх пред которой заставляет трусливых негодяев быть честнее.

Суд установил, что она носит под сердцем ребенка, и ее казнь была отложена. Возможно, она получила бы помилование, но вскоре после суда ею овладела сильная лихорадка, и Мэри Рид умерла в тюрьме.

Жизнь Красотки Энн

Красотка Энн родилась близ Корка, в Ирландском королевстве, отец ее был адвокатом, однако Энн он не признал. Отец ее был женат, и жена его, разродившись, заболела. Чтобы поправить здоровье, она по совету врачей решила сменить климат и выбрала место, где жила мать мужа. Она отправилась туда, а ее муж остался дома, чтобы вести дела. Служанка, которую она оставила присматривать за домом и обслуживать семью, была красивой молодой женщиной и принимала ухаживания молодого человека по имени Тэннер. Он обычно пользовался случаем, когда никого не было дома, чтобы побыть возле любимой, и как-то, не имея страха перед Богом, улучил момент и спрятал в карман три серебряные ложки. Служанка скоро хватилась ложек и обвинила возлюбленного в их пропаже. Он упорно отрицал свою вину, но она пригрозила, что пойдет за констеблем, чтобы тот отвел его к мировому судье. Угроза испугала Тэннера до безумия: он хорошо знал, что не выдержит обыска, и сунул украденные ложки ей под простыню.

Он повинился перед вернувшейся спустя несколько дней с отдыха хозяйкой и рассказал всю историю с той лишь разницей, что якобы сделал это в шутку. Та успокоила юношу, сказав, что все уладит, однако задалась вопросом, отчего горничная не обнаружила ложек сразу. И тут же нашла ответ на этот вопрос: оттого, что девушка занимала место подле ее мужа, не удостоивая вниманием собственную постель.

Хозяйка тут же воскресила в памяти несколько благосклонных деяний, которые ее муж оказал горничной. Раньше это были не стоящие внимания мелочи, но нынче в ее голове поселилась ревность, которая множила доказательства этой близости.

Женщины редко прощают оскорбления такого рода. И жена устроила все так, что вина за мнимую кражу пала на горничную. Та была отведена к мировому судье и провела в тюрьме около полугода. Но прежде чем произошло разбирательство, обнаружилось, что она носит под сердцем ребенка. Состоялся суд, и горничная была освобождена: сердце свидетельницы смягчилось, поскольку она не очень верила, что служанка виновна в какой-то краже, кроме кражи любви, и не выступила против нее. Вскоре после оправдания горничная родила дочь.

Муж, рассердившись на жену за ложное обвинение, в отместку взял горничную в свой дом и, к великому возмущению соседей, начал жить с ней в открытую. Однако вскоре обнаружил, что случившееся скверно повлияло на его жизнь. Он стал понемногу терять практику и, осознав, что не сможет более жить здесь, задумался об отъезде. Обратив свое имущество в деньги, он отправился в Корк, а оттуда с горничной и дочерью отплыл в Каролину.

Первое время он продолжал адвокатскую практику, но затем увлекся торговлей, в которой преуспел гораздо больше, и заработал достаточно, чтобы купить обширную плантацию. Его горничная, которую он выдавал за жену, внезапно умерла, после чего хозяйство стала вести подросшая дочь — та самая, которую мы знаем как Красотку Энн.

Девушка была горячего и смелого нрава. Когда она предстала пред судом, выяснились вещи, выставяющие ее в весьма невыгодном свете: например, однажды она в приступе ярости убила ножом служанку-англичанку. Известно, что она была так сильна и вспыльчива, что однажды, когда некий юноша захотел силой переспать с ней, она так его избила, что он надолго слег в постель.

Она считалась богатой наследницей, и, вероятно, отец рассчитывал на хорошую партию для нее. Однако она расстроила все его планы, когда тайно вышла замуж за Джемса Бонни, моряка без гроша за душой, чем разгневала отца до такой степени, что он выставил

вил ее за дверь. Молодой человек, взявший Энн замуж, разочарованный в своих ожиданиях, сел с женой на корабль и отправился на остров Провиденс, надеясь поступить на службу.

Там Энн свела знакомство с пиратом Рэкхэмом, который быстро нашел средства отвлечь ее внимание от мужа. Энн согласилась бежать от него и уйти с Рэкхэмом в море, одевшись в мужское платье. Пробыв на его судне какое-то время, она забеременела, а когда полнота Энн стала заметна, Рэкхэм высадил ее на Кубе и препоручил своим друзьям, которые заботились о ней, пока не пришло время рожать. Когда Энн оправилась, Рэкхэм опять увлек ее в море.

Когда вышел королевский указ о помиловании пиратов, Рэкхэм воспользовался им и сдался, а позднее, будучи послан на приватирский промысел, вернулся к своему ремеслу. Во всех предприятиях Красотка Энн составляла ему компанию. Когда их корабль захватили, только она и Мэри Рид, а с ними еще один пират, отважились защищать палубу.

Ее отец был знаком со многими джентльменами, плантаторами с Ямайки, и пользовался среди них репутацией достойного человека. Некоторые из тех, кто бывал у него в Каролине, вспомнили, что видели Энн в его доме, поэтому отнеслись к ней благожелательно, но считали постыдным поступком то, что она ушла от мужа. В день, когда Рэкхэма казнили, в качестве особой милости ему разрешили увидеться с Красоткой Энн. Та нашла немного слов в поддержку, сказала лишь, что ей очень грустно видеть его здесь, но если бы он дрался, как подобает мужчине, ему не пришлось бы быть повешенным, как собаке.

Энн оставалась в тюрьме, пока не настало время родов, да и после приговор раз за разом откладывали. Что стало с Красоткой Энн дальше, сказать затруднительно, известно лишь, что она не была казнена.

Глава VIII

Капитан Хоуэлл Дэвис и его команда

Капитан Хоуэлл Дэвис родился в Милфорде, в графстве Монмут, и еще мальчиком был взят в море. Последний рейс из Англии он совершил на сноу «Кадоган» из Бристоля под началом командера Скиннера, причем сноу направлялся к берегу Гвинеи и Дэвис был на нем старшим помощником. Не успели они прибыть в Сьерра-Леоне, как были захвачены пиратом Инглэндом, который их ограбил. Скиннер был замучен, о чем уже было рассказано в истории капитана Инглэнда.

После смерти капитана Скиннера Дэвис утверждал, что Инглэнд принуждал его перейти на свою сторону, но он решительно ответил, что скорее даст себя застрелить, чем подпишет пиратский договор, то бишь добровольно войдет в пиратское сообщество. Инглэнд, довольный его храбростью, отослал команду обратно на борт сноу, назначив Дэвиса капитаном вместо Скиннера, и велел им продолжать путь. Вдобавок он дал ему письменный приказ, скрепленный печатью, с указанием вскрыть его по достижении определенной широты и под страхом смерти следовать содержащимся там указаниям. Это было проявление великодушия, подобное тому, какое владетельные особы проявляют к своим адмиралам и генералам. Дэвис, выполнив все условия, прочел приказ команде судна. Это было распоряжение о том, что он, Инглэнд, дарит Дэвису и его команде корабль вместе с грузом. Приказ также предписывал Дэвису идти в Бразилию и распорядиться грузом с наибольшей выгодой, поделив затем доходы поровну между всеми.

Дэвис предложил команде обсудить, желает ли она последовать заманчивому предложению Инглэнда, и, к его большому удивлению, обнаружилось, что большинство решительно против. Тогда он, придя в ярость, предложил им плыть ко всем чертям. Команда знала, что часть груза была предназначена торговцам на Барбадосе, поэтому было решено взять туда курс. Прибыв, они известили торговцев о смерти Скиннера и о предложении, сделанном Дэвисом. После этого он был схвачен и на три месяца заточен в тюрьму, однако, поскольку не участвовал в пиратских действиях, освободился, не представ перед судом, но отныне не мог рассчитывать здесь ни на какую работу. Зная, что остров Провиденс был для пиратов чем-то вроде места сбора, он решил, если это возможно, стать одним из них и отправился на Провиденс, но попал туда в тот момент, когда пираты сдались Вудсу Роджерсу и приняли указ о помиловании, который он привез из Англии.

Однако Дэвис недолго оставался не у дел: капитан Роджерс снаряжал два торговых шлюпа, «Олень» и «Молчаливый торговец», и на борту одного из них для Дэвиса нашлась работа. Груз тех шлюпов представлял немалую ценность – это были европейские товары, предназначенные для обмена с французами и испанцами, а многие из тех, кто работал на борту шлюпов, были пиратами, нанятыми после последнего указа о помиловании. Первым местом назначения стал остров Мартиника, принадлежащий французам. Здесь Дэвис, сговорившись с членами команды, ночью поднял бунт, взял под стражу капитана и захватил шлюп. Они окликнули второй шлюп, и его команда согласилась присоединиться к Дэвису. Тех, кто был настроен иначе, отпустили на втором шлюпе, куда им будет угодно, но сначала Дэвис забрал оттуда все, что могло хоть как-то пригодиться.

Дэвис с единодушного согласия команды принял командование. И сразу составил договор, который подписали и на котором поклялись и он сам, и остальные члены команды, а затем произнес короткую речь, объявляя всему миру войну.

Для дальнейшего разбоя требовалось кренговаться и укрепить опоры мачт. Пираты выбрали Нору Коксона на восточной оконечности острова Куба – место, где они могли счи-

тать себя в безопасности: вход туда был настолько узок, что один корабль мог удержать снаружи сотню.

Там они почистились и отремонтировались – правда, с немалым трудом, ведь в их шайке не было плотника, мастера весьма полезного в подобных обстоятельствах, – и пустились в море, держа курс к северному берегу острова Эспаньола. Первый парус, который попался им на пути, оказался французским кораблем с двенадцатью пушками. Заметим, что под началом у Дэвиса было всего тридцать пять человек, однако провизия подходила к концу, поэтому он и атаковал «француза». Едва они покончили с ним, как с наветренной стороны снова заметили парус.

Это оказался корабль с двадцатью четырьмя пушками и шестьюдесятью членами команды, тоже французский, и Дэвис решил, что он отлично подойдет для его целей. Дэвис сблизился с противником и, развернувшись бортом, поднял пиратский флаг. Французы, немало изумленные, велели Дэвису сдаваться. Тот ответил, что намерен задержать их, пока не подойдет напарник, способный расправиться с кем угодно, и если они не сдадутся ему, то им предстоит пережить немало неприятных минут. Он дал бортовой залп, на который те ответили.

Тем временем приблизился приз-«француз», всех пленников которого в белых рубашках вывели на палубу, чтобы создать видимость многочисленной команды. К тому же там подняли кусок грязной просмоленной парусины на манер черного флага, поскольку у них не было другого, и выпалили из пушек. Французы на большом корабле были так напуганы мнимой силой, что сдались. Два дня все три корабля держались вместе. Но потом Дэвис понял, что больший приз тяжел и неповоротлив, и вернул корабль капитану, но прежде снял с него оружие и все, что считал нужным.

Французский капитан пришел в неистовство, поняв, что его обвели вокруг пальца, и попытался броситься за борт, но команда его удержала.

Отпустив оба приза, Дэвис направился к северу, где взял небольшой испанский шлюп. После пошарил у Западных островов, то бишь у Гебридов, но не встретил никакой добычи. Тогда он взял курс на острова Зеленого Мыса и бросил якорь у острова Св. Николая, подняв английский флаг. Португальцы, жившие там, приняли его за английского приватира, и, когда Дэвис сошел на берег, охотно торговали с ним. Здесь он оставался пять недель и даже предпринял путешествие в главный город острова, где его доброжелательно принял губернатор, ведь Дэвис обладал располагающей наружностью. Капитан не обошел вниманием ни одного развлечения, какое в силах были предложить португальцы или возможно было купить за деньги. Пробыв там около недели, он воротился на корабль, а члены шайки, в свою очередь, отправились развлекаться в город.

По возвращении они привели корабль в порядок и пустились в море, но не с полной командой: пятеро из них, подобно воинам Ганнибала, были так очарованы красотами острова и свободным обхождением местных женщин, что остались на берегу.

Отсюда они направились к Бонависте, что в дуге островов Зеленого Мыса, но, не найдя там ничего, взяли курс к острову Май. Здесь на рейде пираты встретили множество кораблей и судов, которые ограбили, забирая все, что хотели. Кроме того, Дэвис пополнил свою команду, приняв добровольцев.

Один из кораблей они взяли для своих нужд, установили на нем двадцать шесть пушек и назвали «Король Джеймс». Далее пираты направились к Сантьягу, принадлежавшему португальцам, чтобы пополнить запасы пресной воды. Когда Дэвис, взяв нескольких матросов, сошел на берег в поисках места, где лучше брать воду, появился губернатор со свитой и учинил допрос, кто они и откуда пришли. Не поверив рассказу Дэвиса, губернатор открыто заявил, что подозревает в них пиратов. Дэвис сделал вид, что чрезвычайно оскорблен этими словами, и поспешил вернуться на борт.

Когда стемнело, хорошо вооруженные пираты сошли на берег. Легко обойдя стражу, они проникли в форт прежде, чем охранники успели поднять тревогу. Но им все же оказали сопротивление, и со стороны Дэвиса было убито три человека. Штурмовать дом губернатора пираты не стали, но несколькими гранатами разрушили его и убили всех, кто пытался укрыться внутри.

С наступлением дня вся округа поднялась по тревоге, и пираты сочли за лучшее вернуться на корабль, сняв, однако, пушки в форте.

В море Дэвис провел смотр своим силам и насчитал семьдесят человек. Перед пиратами встал вопрос, куда отправляться дальше, и единодушно была выбрана Гамбия¹¹ на Гвинейском берегу. Капитан знал, что в крепости Гамбия всегда хранится крупная сумма денег и попытаться взять ее – дело достойное. Пираты спрашивали, как это возможно, ведь там стоит гарнизон, и Дэвис предложил, чтобы управлять операцией предоставили ему. К тому времени у пиратов начало складываться высокое мнение о его руководстве и о храбрости. Они полагали, будто для него нет ничего невозможного, поэтому согласились повиноваться, не вникая в его замысел.

Когда показалась крепость, он приказал людям уйти с палубы, оставив столько человек, сколько необходимо для управления кораблем. Он хотел, чтобы гарнизон, увидев корабль с малочисленной командой, ничего не заподозрил и принял его за торговое судно. Они подошли как можно ближе к крепости и бросили якорь. Дэвис приказал спустить шлюпку. Шестеро пиратов в куртках изображали матросов, а он сам, штурман и врач оделись как джентльмены – по его замыслу, они должны были выглядеть купцами. Пока гребли к берегу, он разъяснил своим людям, что отвечать, если их начнут расспрашивать.

На месте высадки Дэвис был встречен цепью мушкетеров и препровожден в форт, где губернатор, учтиво поприветствовав их, спросил, кто они и откуда пришли. Они отвечали, что отправились из Ливерпуля к реке Сенегал закупать камедь и слоновую кость, но близ этих берегов их начали преследовать два французских военных корабля и они едва избежали пленения, но, поразмыслив, решили, что нет худа без добра, и теперь собираются закупить здесь рабов. Губернатор поинтересовался, каков их основной груз. Пираты отвечали, что железо и листовая сталь, самые ценные вещи здесь. Губернатор пообещал им рабов на всю стоимость груза и спросил, не найдется ли у них европейского спиртного. Они отвечали, есть немного для собственных нужд, однако для него найдется корзина вина. Губернатор весьма учтиво пригласил всех отобедать, но Дэвис отказался: дескать, будучи капитаном корабля, он должен вернуться на борт и проследить, чтобы его надежно пришвартовали, кроме того, следует отдать кое-какие приказания. Но эти два джентльмена останутся, а он вернется к обеду и захватит корзину вина.

В крепости Дэвис провел самый настоящий осмотр и отметил, что у ворот есть караульное помещение с гауптвахтой, где отдыхают солдаты, несущие караул, а их оружие грудой свалено в углу. Он заметил также немало ручного оружия в приемной губернатора. На борту он потребовал, чтобы пираты следили за крепостью, не напивались и, как только увидят, что флаг над крепостью спущен, сразу послали на берег двадцать человек.

Он приказал тем, кто должен был идти с ним в шлюпке, спрятать под одеждой по две пары пистолетов, и сам поступил так же. Пиратам-подручным он приказал отправиться в караульное помещение и завязать беседу с солдатами, следя, когда он выстрелит из пистолетов в губернаторское окно, чтобы по этому сигналу немедленно захватить оружие в караульном помещении.

Когда Дэвис вернулся, губернатор предложил до обеда выпить пунша. Прислуживал старшина шлюпки Дэвиса, получивший возможность пройти по всему дому и разведать,

¹¹ Гамбия – крепость Английской Гвинейской компании на северо-западе Африки, неподалеку от устья р. Гамбия.

что к чему. Он шепнул, что сейчас в комнатах нет никого, кроме Дэвиса, штурмана, врача, самого старшины и губернатора. После этого капитан внезапно вытащил пистоль и ткнул им губернатору в грудь, требуя, чтобы тот сдал крепость со всеми богатствами, иначе будет убит. Губернатор, не готовый к нападению, обещал вести себя тихо и сделать все, что они требуют. Пираты закрыли дверь, собрали оружие в приемной и зарядили его. Дэвис выстрелил из пистolia в окно, после чего его люди в караульном помещении исполнили свою часть плана: вынесли все оружие, заперли солдат и выставили снаружи охрану.

Тем временем один из них спустил флаг Соединенного Королевства на крепости, и по этому сигналу оставшиеся на борту послали на берег подкрепление. Так пираты без спешки и малейшего затруднения овладели фортом, не потеряв ни единого человека. Дэвис произнес перед охраной форта речь, после чего многие перешли к нему. Тех же, кто отказался, он отослал на маленький шлюп, взятый тут же. Не желая утруждать себя охраной, он приказал убрать со шлюпа все паруса и снасти, чтобы воспрепятствовать их попыткам бежать.

День прошел в своего рода праздновании: крепость давала из пушек салют кораблю, а корабль – крепости. На следующий день пираты занялись делом, то есть предались грабежу и обнаружили, что основные запасы денег были недавно отосланы. Все же они нашли около двух тысяч фунтов стерлингов чистым золотом и множество другого имущества – все, что им понравилось и что можно было перенести, они забрали к себе на корабль. Некоторые вещи, для которых не нашлось применения, они великодушно отдали капитану и команде маленького шлюпа, также вернули их судно, а затем принялись снимать пушки и разрушать укрепления.

Они уже снимались с якоря, когда заметили корабль, идущий на всех парусах, подняли якоря и приготовились принять его. Это оказался французский пиратский корабль с четырнадцатью пушками и экипажем более чем в шестьдесят человек, половина из которых были французами, а половина – неграми. Капитана корабля звали Ла Буз¹², он рассчитывал на богатую добычу, что и сделало его таким настойчивым в погоне. Но когда он подошел достаточно близко, чтобы рассмотреть пушки и число людей на палубе, то призадумался, по силам ли отыскать себе противника.

Но поскольку пути к отступлению не было, он решился на отчаянный шаг – взять Дэвиса на абордаж. Устремившись вперед, он выпалил из всех орудий и поднял черный флаг. Дэвис ответил салютом и тоже поднял черный флаг. Француз был обрадован этой счастливой ошибкой. Оба спустили шлюпки, и капитаны приветствовали друг друга, вывесив на корме флаги перемирия. Ла Буз предложил Дэвису вместе проплыть вдоль побережья, чтобы и он, Ла Буз, смог добыть себе корабль получше. Дэвис согласился и обещал первый же подходящий захваченный корабль отдать ему.

У Сьерра-Леона они уже на подходе заметили на якоре большой корабль. Дэвис, чей корабль был быстрее, чем у Ла Буза, подошел поближе и, поняв, что корабль не пытается скрыться, заподозрил, что противник вооружен. Как только он пошел вдоль его борта, корабль вдруг дал по Дэвису полный бортовой залп, одновременно подняв черный флаг. Дэвис также поднял черный флаг и выпалил из пушки в подветренную сторону.

В конце концов оказалось, что это корабль под командованием пирата Коклина, который, ожидая, что эти двое окажутся его добычей, подпустил их как можно ближе.

К удовлетворению всех сторон, союзники и братья по беззаконию соединились. Два дня они провели, скрепляя свое знакомство и дружбу, а на третий день Дэвис и Коклин договорились идти на бригантине Ла Буза атаковать форт, делая вид, что их принесло приливом. Но обитатели форта заподозрили истину и поднялись на защиту. Когда бригантина подошла на мушкетный выстрел, форт выпалил по ней из всех своих пушек. Бригантина

¹² Ла Буз (Ла Бу) – одно из прозвищ французского пирата Ла Буше.

сделала ответный залп по форту, и эту игру они вели в течение нескольких часов, пока на помощь бригадине не подошли два корабля-напарника. Защитники форта, видя такое множество людей на борту кораблей, решили не противостоять им и, покинув форт, оставили его на милость пиратов.

Пираты пробыли в форте семь недель, за это время почистив и подлатав свои корабли. Пока они там оставались, на рейд встала галера, которая по настоянию Дэвиса должна была достаться Ла Бузу. Коклин не возражал, так что Ла Буз перешел на нее со своей командой и, устроив на галере полупалубу, установил двадцать четыре пушки.

Созвав военный совет, они договорились плыть вдоль побережья вместе и для важности назначили командора, которым стал Дэвис. Но вместе им уже недолго было странствовать. После ссоры они разошлись каждый в свою сторону.

Дэвис продолжил свой путь вдоль побережья, и, проходя мыс Аполлония, встретился с двумя шотландскими и одним английским судном, которые он ограбил, а затем отпустил. Пять дней спустя он напал на голландский контрабандер с тринадцатью пушками и экипажем в девяносто человек (половина из которых была англичанами) мористее мыса Три Пойнтс. Когда Дэвис поравнялся с ним бортами, голландский корабль выпалил первым, обрушив на Дэвиса полный бортовой залп, и убил девять человек. Дэвис ответил залпом на залп, и завязалась жаркая схватка, которая длилась с часу ночи до девяти утра. Наконец «голландец» сдался и достался им как приз.

Дэвис нарек голландский корабль «Бродягой», приспособил для своих нужд, установил на его борту тридцать две пушки и двадцать семь фальконетов и отправился с ним и с «Королем Джемсом» к Анамабо. Он вошел в бухту после полуночи и обнаружил на якоре три корабля, которые занимались торговлей неграми, золотом и слоновой костью. Это были: пинк «Хинк» под командой капитана Холла, «Принцесса» капитана Плама, у которого Робертс, который станет значительной фигурой в ходе этой истории, был вторым помощником, и шлюп «Моррис» капитана Фина.

Дэвис захватил корабли без сопротивления и, ограбив, отдал шлюп «Моррис» в подарок голландцам. На его борту было сто сорок негров, не считая обычных грузов, и значительное количество золотого песка.

В тот же день он отплыл со своими тремя кораблями, держа путь вдоль побережья к португальской колонии Принсипи. На следующий день марсовой завидел парус. Надо отметить, что быть марсовым – немалая честь. А если парус окажется добычей, то марсовому причитается добавочная доля и два пистоля наградных.

Они немедленно пустились в погоню. Корабль оказался голландским и, оставаясь между Дэвисом и берегом, поднял все паруса, пытаясь сесть на мель. Дэвис этот замысел разгадал, догнал его, поставив все малые паруса и произвел бортовой залп. После чего корабль попросил пощады. Она была дарована, ведь в уставе Дэвиса было прописано, что пощаду под страхом смерти следует давать всякий раз, когда ее попросят.

Голландский корабль стал очень богатой добычей: на его борту оказался губернатор Аккры, со всем своим имуществом направляющийся в Голландию. Одних только денег было пятнадцать тысяч фунтов стерлингов, не считая ценных товаров, которые пираты перенесли к себе на борт.

После такого успеха они вернули капитанам Холлу и Пламу их корабли, но усилили свою команду на тридцать пять пар рук. Голландцам же их корабль вернули после того, как ограбили.

Прежде чем они пришли к острову Принсипи, в корабле «Король Джемс» открылась течь. Дэвис приказал перевести с него на борт своего корабля всю команду и все вещи, еще пригодные к употреблению, и оставил его на якоре в Верхнем Камеруне. Как только в пределах видимости показался остров, пират поднял английский флаг. Португальцы

выслали шлюп, чтобы выяснить, что это может быть. Дэвис назвался английским военным кораблем, разыскивающим пиратов. Он утверждал, что им получены сведения, будто разбойники укрываются вблизи этого побережья. Португальцы, что неудивительно, приняли его как желанного гостя и провели в гавань. Дэвис салютовал форту, встал на якорь прямо под прицелом их пушек и спустил пинассу, как на военных кораблях, приказав сесть в нее девяти матросам и старшине, чтобы отвезти его на берег.

Португальцы, желая оказать ему высшие почести, выслали цепь мушкетеров, чтобы встретить его и сопроводить к губернатору. Губернатор, ничего не подозревая, принял Дэвиса очень учтиво, пообещав снабдить всем, что только может предоставить остров. Пират поблагодарил его, сказав, что за все заплатит король Англии. И, обменявшись с губернатором любезностями, он снова вернулся на борт.

В это время в гавань за необходимыми припасами вошел французский корабль, и Дэвису пришла фантазия его ограбить. Но чтобы придать делу видимость справедливости, он убедил португальцев, что тот торговал с пиратами и что он, капитан, обнаружил у него на борту некоторое пиратское добро, которое заберет для нужд короля. Эта история так понравилась губернатору, что он похвалил Дэвиса за усердие.

Отремонтировав и приведя в порядок корабль, Дэвис решил, что пора приступить к главному – грабить остров. Не зная, где сокровища, он прибег к хитрости, чтобы получить их (как он полагал) с наименьшими усилиями. План его состоял в том, чтобы преподнести в подарок губернатору дюжину негров, как бы в ответ на проявленное гостеприимство, и пригласить его на прием к себе на корабль вместе со знатными людьми острова и несколькими поварами. Когда же гости взойдут на борт, их должны будут заковать в кандалы и держать так, пока они не заплатят выкуп в сорок тысяч фунтов стерлингов.

Но эта идея оказалась для Дэвиса роковой: один португальский негр ночью уплыл на берег и раскрыл губернатору заговор. Губернатор учтиво принял приглашение пиратов и обещал, что придет вместе со всеми приглашенными.

На следующий день Дэвис сошел на берег, чтобы с почестями препроводить губернатора на корабль. И вот он вместе с друзьями входит в дом губернатора...

И назад уже не выходит – там была устроена засада, и по сигналу по пиратам дали залп. Все, кроме одного, упали, а этот один сбежал и на лодке добрался до корабля. Дэвису прострелили грудную клетку в нескольких местах, но он сумел подняться и сделал слабую попытку бежать. Однако силы покинули его, и он упал. Тогда Дэвис, вытащив свои пистолы, выстрелил во врагов, чтобы нанести предсмертный удар и не пасть неотомщенным.

Глава IX

Капитан Бартоломью «Черный Барт» Робертс и его команда

Юному Джону (таково, кстати, было его настоящее имя) Робертсу, казалось, вообще не суждено было сделать карьеру на море, тем более громкую и даже скандальную. Но для выходца из бедной семьи – а отца Джона, Джорджа Робертса, уж точно нельзя было назвать преуспевающим человеком – в те времена не было более реального способа разбогатеть. Не желая прозябать в нищете, Джон в возрасте тринадцати лет поступил юнгой на торговый корабль. О том, где он был с 1695 года до 1718, сведений найти не удалось. Известно, правда, что в 1718 году он служил помощником капитана на шлюпе, приписанном к порту Барбадоса. В 1719 году он уже упоминается третьим помощником на невольничьем корабле «Принцесса»; судно было приписано к лондонскому порту, а командовал им капитан Абрахам Пламб. В начале июня 1719 года «Принцесса» бросила якорь у западного побережья Африки, в районе Ганы, и именно там подверглась нападению пиратов.

Этот корабль был отбит капитаном Хоуэллом Дэвисом. Поначалу Робертс не принимал пиратский образ жизни. Но изменить своим принципам его заставило простое соображение: так он сможет защитить своих людей от произвола. Капитан Дэвис был убит, и команда оказалась перед необходимостью замещения капитанского поста, на который претендовали три кандидата: Симпсон, Ашплэнд и Энстис.

При избрании Робертс заявил:

– Мы считаем, что если капитан берет на себя слишком много и не слышит своей команды, то долой его! Пусть его смерть будет предостережением для преемников, пусть все знают, что кара не минует и капитана. Мы избираем человека за храбрость и знания в морском деле, но этого мало. Капитан должен защищать наше содружество, удерживать нас от сомнений и неуместных деяний. Я думаю, что во всех отношениях буду достоин вашего уважения и принесу наибольшую пользу нашему содруеству!

Эту речь громко приветствовали все, кроме Симпсона, который втайне надеялся на иной выбор команды. Он был разочарован и затаил в душе ненависть, которая только и ждала своего часа.

Робертс был избран капитаном «Ройял Ровера», хотя находился среди пиратов меньше шести недель. Он пользовался уважением экипажа за свою приветливость и добродушие, был храбр и отважен. Став капитаном, Робертс решил изменить свое имя на Бартоломью – в честь известного буканьера Бартоломью Шарпа. Однако такие длинные имена были у пиратов не в чести, и в дальнейшем его величали Черным Бартом – видимо, из-за длинных непокорных волос цвета воронова крыла.

Он решил отомстить португальцам за смерть Дэвиса и разработал план нападения на форт. Около тридцати добровольцев были высажены на берег, чтобы напасть на крепость на холме. Возглавил добровольцев Уолтер Кеннеди, смельчак и сорвиголова, правда, любитель заглянуть в бутылку. Пираты прошли к крепости под огнем корабельных пушек и обнаружили, что португальцы покинули свой пост и бежали. Пираты сбросили все пушки в море и подожгли форт.

Правда, это показалось им недостаточной карой, и большинство склонялись к тому, чтобы сжечь и город, на что Робертс ответил, что не станет командовать этим и готов уступить свое капитанское место. Так, говорил он, пираты только приблизят собственную гибель, ведь город охраняется надежнее, чем форт, и пустые дома не станут достойной наградой за все потери. Этот благоразумный совет решил дело. Но пираты, конечно, не могли

уйти просто так: они захватили французский корабль с двенадцатью пушками, стоявший на рейде, подошли к городу и разграбили несколько домов. После чего возвратили французам их корабль, вернулись на борт и ушли из гавани при свете двух португальских кораблей, которые подожгли на прощание.

Отправившись на юг, пираты повстречали голландский корабль с невольниками, с которого сняли груз, но само судно шкиперу вернули после разграбления. Через два дня на мысе Лопес был взят английский корабль «Эксперимент» капитана Корнета, некоторые матросы с которого перешли на службу к пиратам. Корабль сожгли, и Робертс взял курс на Сан-Томе. Но позже пираты решили, что этот поход ничего им не даст, и отплыли на Анабону, где запаслись питьевой водой и отремонтировались. Там же было проведено голосование – поплывут они в Ост-Индию или в Бразилию. Пираты остановились на последнем варианте и через двадцать восемь дней прибыли на остров Фердинандо, где смогли почистить корабль и подготовиться к следующему рейсу.

Здесь экипаж Робертса пробыл достаточно долго и, не увидев ни одного паруса, решил все-таки направиться в Вест-Индию. Неожиданно в заливе Тодус-ус-Сантус они обнаружили португальский флот из сорока двух парусных кораблей с заполненными трюмами, готовый к выходу в Лиссабон, который охраняли два семидесятипушечных военных корабля. Это была роскошная добыча!

Черный Барт не утратил присутствия духа. Он повел «Ройял Ровер» в атаку, и его дерзость и отвага принесли желанные плоды. Добычей пиратов стал внушительных размеров шлюп с десятью орудиями, а в его трюмах было обнаружено свыше тридцати тысяч фунтов золотом и другие ценности. Однако в то время, пока Черный Барт сражался на палубе португальского шлюпа, на «Ройял Ровере» произошла смена власти. Бывший карманник Уолтер Кеннеди, помощник Черного Барта, которому он слепо доверял, тоже решил стать капитаном. Он выждал, пока большая часть награбленного будет переправлена на борт «Ройял Ровера», а потом приказал поднять паруса и бежал с поля сражения. Что касается команды, то Кеннеди предложил пиратам вернуться домой, разделив ценности между собой. Он действовал наверняка: Черный Барт, только начавший наслаждаться своей новой ролью, твердо намеревался двигаться к побережью Бразилии, а тут у команды появилась возможность ощутить под ногами твердую почву и весело потратить свою долю. Кроме того, собираясь взять на абордаж португальский шлюп, Черный Барт назначил капитаном именно Кеннеди – как своего помощника. Так что Уолтеру Кеннеди даже не потребовалось выставлять свою кандидатуру на голосование – по сути, он и был капитаном.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.